

ЛУКАШ ОРБИТОВСКИЙ

18+

СЧАСТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ

Проза темная и нежная,
мифическая и реалистичная,
жестокая и поэтичная.

ЯЦЕК ДУКАЙ

FAN|ZON

Fanzon. Территория страха

Лукаш Орбитовский

Счастливая земля

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

Орбитовский Л.

Счастливая земля / Л. Орбитовский — «Эксмо»,
2013 — (Fanzon. Территория страха)

ISBN 978-5-04-199011-4

Номинации на премии им. Януша А. Зайделя, им. Ежи Жулавского и SFinks. Осуществление мечты. Оплата по факту получения. Вы хотите стать богатым? Может, ищете любовь? Или вам мешают жить голоса в вашей голове? Загадайте желание и посмотрите, что произойдет. Исполнение мечты. Оплата по факту выполнения. Любого одолевают желания. Мечтают о богатстве, любви, счастье. Шимек и трое его друзей живут в маленьком городке Рыкусмыку. Их терзают подростковые проблемы и мысли о будущем. И у каждого есть заветное желание, ради исполнения которого они готовы на всё. Главная достопримечательность города – старый замок, с которым связана мрачная легенда, о ней знают все, но никто не решается говорить вслух. В последний день лета друзья набираются смелости и лезут в подземелья замка, чтобы осуществить свои мечты. Но за все нужно платить, и теперь они связаны тайной, изменившей всю их жизнь. Им нужно найти способ освободиться от прошлого. Или хотя бы суметь его забыть. «Счастливая земля» – путешествие по реальности, одновременно чудовищной и невероятно притягательной. Оно привлекает внимание, будоражит и заставляет задуматься о необходимости любви и стабильности, зависимости от материального имущества и вездесущей пустоте. Истории четырех друзей, связанных тайной, сплетаются в рассказ о современных тридцатилетних, их дилеммах и тенях прошлого. «Это история о том, о чем должен быть каждый роман: о жизни и обо всем, что скрывается под ее поверхностью. Здесь можно найти таинственные смыслы в обычных вещах и обычное в невероятном». – Щепан Твардох «Мир автора не нуждается в монстрах и преступлениях, чтобы заставить читателя врасплох. В основе классического хоррора лежит искреннее сочувствие к ужасам и чудесам детства. Орбитовский постепенно извлекает из литературы ужасов голый кошмар человеческого существования». – Яцек Дукай «Великолепная

нравоучительная история – пронзительная, сильная и временами рисующая болезненный портрет нашего поколения». – Вит Шостак «Плотный, мощный и до боли правдивый рассказ». – Ярослав Урбанюк «Орбитовский придает удивительному роману ужасов форму великолепной современной прозы, одобренной элементами детектива. Историю о том, как группа подростков прощается с юностью в подвалах дьявольского замка, он превращает в притчу о мучениях бесконечных влечений и аде исполнения желаний. В этом романе нет ничего обычного, но мы видим в нем наш мир с нашими проблемами». – Nowa Fantastyka «Никто другой не рассказывает нам о будничности и ужасе жизни так убедительно, как Лукаш Орбитовский. Это самая прекрасная и в то же время самая трогательная из его книг». – Джоанна Мика-Оржондала

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-199011-4

© Орбитовский Л., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	24
Глава третья	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лукаш Орбитовский

Счастливая земля

Łukasz Orbitowski

SZCZĘŚLIWA ZIEMIA

Szczęśliwa ziemia © 2013 by Łukasz Orbitowski.

© В. Кумок, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Łukasz Orbitowski

SZCZĘŚLIWA ZIEMIA

Лукаш Орбитовский

СЧАСТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ

FAN|ZON

МОСКВА
2024

*Это книга для моих лучших друзей:
Ярека, Лешека, Лукаша, Миколая, Павла,
Петра, Пиемека и Томека.*

Спасибо, что вы есть.

Глава первая

1

ВТОРЫМ ИМЕНЕМ моей матери было Бешенство. Мы жили вместе, когда я начал слышать.

Я долго просил ее, чтобы она отвела меня к врачу. Она сама засунула мне пальцы в уши. Сказала, что все в порядке и надо быть мужчиной. Маленький мужчина – все равно мужчина. А потом выкрутила мне ухо.

– А врач всадит тебе туда иглу, – услышал я. – Вот тогда будет по-настоящему больно.

2

Говорят, что правду и удачу можно найти лишь в больших городах, но я очень долго не представлял себе жизни кроме как в Рыкусмыку. А вот мама хотела бы уехать. В Легнице меня пугали длинные ряды огромных каменных зданий. Приезжая туда, я высматривал тех гигантов, что живут внутри них. Вроцлав – где мы бывали редко – состоял для меня из зоопарка, иногда – парка аттракционов, мороженого близ Центрального рынка и кинотеатра со старыми рисованными диснеевскими мультиками. После сеанса я садился в автобус и был рад, что возвращаюсь домой. Именно поэтому я никуда не ездил и на каникулы. Рыкусмыку давал мне все, что было нужно.

Кроме тишины.

На Замковой площади, за автобусной остановкой, находился рыночек, где каждый день продавалось что-то новое. В понедельник – цветы, во вторник – животные, в среду – одежда, в четверг – автомобили, и так до воскресенья, когда торговали контрабандой – цветные зажигалки из Германии, русские электронные игры с волком или подводной лодкой, одежда для рабочих и футболки с Сандрой¹. Больше всего на свете я мечтал, чтобы у меня был маленький калькулятор, такой округлый и красно-белый, как футбольный мяч. Мама даже дала мне на него деньги, которые я немедленно спустил в автоматах. Калькулятор я нарисовал себе сам, в тетради по математике.

Рынок тогда был очень потрепанным, а хуже всего выглядело здание городской рады, выстроенное после войны. Казалось, что оно разваливается от жалости к судьбе этих каменных зданий, избитых, будто те хулиганы, что с утра до ночи гуляли в «Ратуше». Высоко над лысеющими крышами торчала Стшегомская башня, близ которой стоял наш дом. Мимо бежала Старомейская улица с парикмахерской и магазином игрушек, в ее торце стоял закрытый кинотеатр и дом культуры, где работала мама. Если идти прямо, то скоро можно было выйти из Рыкусмыку на поля, и тогда передо мной открылась бы шапка леса, скрывающая затопленный карьер. Направо гравийная дорога с тополями по обеим сторонам вела в кузнечные мастерские, а поворот в другую сторону приводил в парк с прудом, полным уток с радужными головками. Была там и небольшая игровая площадка – качели из бревен и шин на цепях. Чуть дальше бежала речка, а перед ней, на небольшом холме, стоял скелет бетонного дота, приглашающий поиграть в войну. На другой стороне речушки разрастались новые кварталы. Люди, что там

¹ Сандра Крету (нем. Sandra Cretu); урожденная Сандра Анн Лауэр (нем. Sandra Ann Lauer; род. 18 мая 1962 года, Саар-брюккен, ФРГ) – немецкая поп-певица. (Здесь и далее прим. ред.)

жили, казались столь же чужими, как какие-нибудь варвары, что украшают татуированные лица костями врагов.

Будто бы именно там однажды изнасиловали какую-то женщину, приезжую. Никто не знал, зачем она приехала – сняла комнату на частной квартире и целыми днями крутилась вокруг замка. И кто-то напал на нее, сразу за рекой. Она заявила в полицию, но тут же забрала заявление, утверждая, что все произошло по ее согласию. А потом уехала. Я был совсем маленьким, когда случайно услышал эту историю, а взрослые отказались объяснить мне то, чего я тогда не понимал.

С другой стороны городка располагался еще один парк, побольше размером и менее ухоженный. Там стоял Собор Мира, гордость Рыкусмыку, построенный без единого гвоздя после Тридцатилетней войны, символ примирения между католиками и протестантами. Можно было зайти в соседний дом и попросить пастора, и тот открывал собор и запускал запись, рассказывающую об истории этого места, Бога и Рыкусмыку. Местом игр нам служил разрушенный дом, в котором до войны находилась кофейня. А за забором и улицей были уже только пути железной дороги да артель инвалидов «Инпродукс». Я представлял себе, что там производят людей без рук и ног, а потом рассылают их поездами туда, где они нужны.

А еще у нас был замок. Замок был самым главным. Располагался он между рынком и Замковой площадью, на выветренном холме; замок цвета песка, так что он ассоциировался с одним из Пястов, который наверняка когда-то в нем жил. Построил его князь Радослав из Чехии. Посещали замок короли, посещала Марысенька². В девятнадцатом веке замок стал тюрьмой, а через сотню лет – лагерем принудительного труда, что некоторые из нас еще помнят лично. Может быть, именно из-за этой памяти и замуровали все входы в него да позабывали окна на нижних этажах. И все же я сам видел свет на его башне.

А ночью из чрева замка доносились крики, смех – и звуки иного рода, которых я по малолетству не мог понять.

3

Мать была очень красива. Однажды я взглянул на себя в зеркало нагишом. У меня был впалый живот с неглубоким пупком и маленькие глазки, разделенные длинным носом. Я пошел к маме и спросил, отчего она мне не сказала, что она не моя мать. У красивой женщины не может быть такого уродливого потомства, хотел я добавить, но получил затрещину.

4

Наши первые игры были связаны с замком. Трудно сказать, сколько нам было лет – может, восемь, может, даже меньше. Взрослые говорили, что там опасно и что можно свалиться, я слышал о лабиринте без выхода и мальчишке, который попал туда когда-то и блуждает там до сих пор, хотя давно уже и вырос. Но мы, понятно, знали лучше.

Кажется, это Тромбек нашел вход – дерево и сук, ведущий к самому окну на втором этаже. Мы ходили туда все впятером не реже раза в месяц. Летом даже чаще. Я соскальзывал с ветки прямо в холод, на мусор и стекло. Уходящий вниз коридор не пропускал света вообще. Мы опирались на каменный парапет. Каждый пытался шутить, чтобы добавить смелости себе и другим. Испытание всегда выглядело одинаково и кончалось всегда одинаково. Кто дальше всех войдет в темноту? Дойдет ли кто-нибудь до конца этого коридора? Сикорка утверждал, что там внизу есть подземное озеро, но не мог объяснить, откуда он это взял.

² Мари Казимира Луиза де Ла Гранж д'Аркьен, более известная под уменьшительным польским именем Марысенька, – супруга короля польского и великого князя литовского Яна Собеского.

Зажигалку я держал через тряпку или перчатку, чтоб не обжечь ладони. Шел близ стены. Оглядывался назад, на уменьшающийся светлый прямоугольник, на четыре озабоченные тени. Я считал, и они тоже считали. Считали шаги. Ногу я ставил осторожно, разбрасывая обломки носком ботинка. Становилось все темнее и холоднее. Приходили мысли о мальчике, что живет в подземельях, об озере, полном чудовищ, о бандитах, что устроили там свой схрон. Окно становилось все меньше, я шел все медленней и в какой-то момент поворачивался и бежал со всех ног назад с громким криком. И стыдно не было, потому что все так делали. Если я проходил больше шагов, чем кто-то смог пройти до меня, то DJ Кривда выцарапывал рекорд на стене. Если нет, то не выцарапывал.

А потом мы шли на опустевший уже рынок и усаживались на длинных столах. Рассказывали друг другу, что мы еще совершим, как будет здорово, когда наконец доберемся до низа, пересказывали друг другу разные истории, связанные с замком. Что-то живет, что-то ждет. Замок был нашей первой игрой. Оказался и последней.

5

Мы занимали квартиру на Средней, недалеко от маленького рынка. Вход был со двора, где расправлял свои ржавые плечи турник, на котором выбивали ковры. В окнах, под которыми лежали горы щебня, висели выцветшие занавески.

У меня был свой угол, но настоящим источником радости была комната мамы. Она запретила мне туда входить, но с раннего детства я целыми днями оставался один и мог делать все, что захочу. Я прыгал по огромной кровати и листал женские журналы. Мне казалось, мамин туалетный столик растет сам по себе, вроде собора, что достраивается веками. Тогда я не использовал бы такого сравнения, конечно. У меня было иное сравнение, связанное с зеркалом, что стояло запыленным, кроме центральной части, в которую смотрелась мама. Я представлял себе, что смотрю на мир через окно, усыпанное черным снегом.

А рядом лежали сокровища: чашка, полная клипс, брошек в виде насекомых, кусочков черепашого панциря на шнурке. Я наносил на лицо боевую раскраску мамиными тенями и карандашами. Обвешивался бусами. Склеенные липкой лентой тюбики помады изображали патронташ. Я нацеливался феном в зеркало и говорил: «Сдохни».

6

Бомбочки, как ничто иное, подходили Сикорке. Не помню, были мы знакомы с ним раньше или в первый раз увиделись на свалке. Помню, что он копался в каждой мусорке, не пропускал ни одной. Часто обшаривал двор нашего сельпо, «Сполэм», на Школьной улице. Ранец его вечно был полон пустых аэрозольных баллонов. Сикорка заявлял, что на свалках всякое может случиться, а запас карман не тянет.

Как-то раз мы пошли на свалку, а он уже был там, король цветных дюн. Поджег гору мусора и стоял, руки в брюки, будто глядел на пылающий город, только что им завоеванный. С серьезным лицом. Мы подошли, и Тромбек спросил у Сикорки, что тот, собственно, делает. Сикорка посоветовал спокойно подождать, ну мы и стояли, смотрели на огонь. Мусор горит не так, как что-то другое, – огонь задыхается, не достигает полной силы, лишь изредка высывает синий язык над закопченными краями.

И действительно, взрывов стоило подождать. Аэрозоли взрывались одна за другой, разбрасывая мусор, а лицо Сикорки светилось восхищением. Обычно-то он редко улыбался. Мы сразу же разбежались в поисках новых баллонов. Сикорка был прав, найти их было непросто. Я нырял за ними в мусор. Хотел принести больше остальных. Никто не хотел, чтобы этот вечер кончился, и все поздравляли Сикорку с блестящей идеей. Мы долго разводили огонь, потом

напряженно ждали грохота и необычайного вида горящей бумаги, медленно опускающейся с темнеющего неба.

И мы начали туда возвращаться, к отчаянию Сикорки, который уже тогда ценил одиночество. Раскладывали бомбочки хитрыми способами, старательно разводили огонь так, чтобы последовательность взрывов была максимально зрелищной. Несколько раз мы теряли контроль. Огонь становился метровой стеной, видной издалека. Однажды я понял, что огонь везде вокруг нас. Мы бросились наутек, а вокруг нас стреляли бомбочки, как будто мы прорывались через минное поле.

У нас был самый настоящий враг. Пан Герман искал на свалке выброшенные сокровища, потом грузил их на тележку и тянул в свою хату за городом. Он выследил нас и начал преследовать. Залегал в засаде и выскакивал из укрытия. Рассчитывал застать нас врасплох, но его присутствие выдавала тележка, стоящая за сеткой. Мы со смехом разбегались, каждый в свою сторону, а пан Герман только дергался, будто пес на короткой цепи.

7

Через год-другой мать все же отвела меня в районную поликлинику на Монюшко.

Она крепко держала меня за руку и все время повторяла, что никто мне больно не сделает, а если и сделает, то я сам этого хотел. Переживала о чем-то своем и отстраненно тянула меня через весь Рыкусмыку.

Поликлиника размещалась в длинном одноэтажном здании, запах внутри подавлял. Мы уселись в зеленоватом коридоре. С плакатов на стенах на меня смотрел грустный карапуз под угрозой рахита; его старший товарищ пил молоко и отправлялся в детский сад, а Тромбек, ждущий с отцом своей очереди, был удивительной смесью их обоих. Он сидел напротив меня, придавленный красной рукой папы, и болтал ногами. Потом исчез в кабинете – к сожалению, слишком ненадолго. Подошла моя очередь.

Я очень боялся, что врач вставит мне в ухо иглу. Но этого не случилось. Он лишь поковырял ваткой, посветил внутрь, вынул черный аппаратик и с минуту что-то делал с ним близ моего уха.

– Слух обычный, – сказал он. – Я давно не видел настолько чистых ушей. Если вы хотите моего честного мнения, то я бы советовал пойти к другому врачу, – добавил он, со значением постукивая себя по лысине.

8

На кладбище, под вечер, мы играли в прятки. Дети из других городков наверняка не смогли бы этого понять. Но мы боялись коридора в замке, и на могилы нам страха не осталось.

Кладбище закрывали в восемь вечера. Вскоре после этого мы перебирались через стену. Мы тянули спички, и тот, кто вытягивал короткую – странно, но чаще всего это оказывался Блекота, – становился лицом к двери часовенки, а четверо остальных неслись к заранее присмотренным местам. Я забирался на клены и каштаны так высоко, как только мог, а потом так крепко прижимался к ветви животом, как будто хотел стать ее частью.

Вдобавок DJ Кривда научил меня, как вламываться в большие склепы. В этих случаях я закрывал за собой решетчатые двери и съезживался в уголке, прикрывая рот рукой. Или бежал как можно дальше, чтобы спрятаться за какой-то непримечательной декоративной стенкой. Наступала тишина. Мы искали, нас искали.

Мне так никогда и не хватило смелости спрятаться в могиле. Это сделал Тромбек, причем, к несчастью, именно когда я водил. Я стащил DJ Кривду с крыши часовенки, обнаружил в огромном дупле Блекоту и треснул по уху Сикорку, что задремал за каменным ангелом. И только Тромбека я никак не мог найти. Я двинулся наверх, к концу аллейки, где росла высокая трава и покрывались трещинами заброшенные могилы. Шел я на нервах, потому что мне уже все надоело и хотелось домой. И вдруг в мою сторону двинулся кусок надгробной плиты. Я орал до тех пор, пока не увидел, как из ямы сверкают веселые глаза Тромбека. Он прекратил смеяться только тогда, когда я ему врезал, и мы покатались, сцепившись, назад, в сторону часовни.

И еще раз мы стали свидетелями чего-то необычного. Услышали такие стоны, которые могут издавать только души в аду. Из-за потрескавшегося надгробия взметнулась черная шевелюра. Мужчина заметил нас и сбежал, подтягивая джинсы. На могиле лежала девушка в спущенных до колен брюках и измятой блузке. Плакала; но когда мы спросили, не помочь ли ей, нашла свою обувь в траве и тоже сбежала.

Я любил разглядывать снимки и придумывать истории умерших. Те, чьи могилы стережет крест, соображал я, попали на небо. А те, у кого памятники пусты, – в аду. А еще я вычитал год рождения из года смерти. И таким образом заметил, как много молодых женщин умерло в Рыкусмыку.

9

Словно проклятья, изрыгаемые человеком с перерезанным горлом. Словно звук лица, разбиваемого о стену. Вой избитого пса. Стон выючного животного, которое вот-вот рухнет наземь. Вот что-то наподобие этого.

Я сперва думал, что это мертвые зовут меня, но мама сказала, что мертвых нет. Бешеный голос, сперва еле слышный, усиливался год от года. Раз это не мертвые, подумал я, значит, меня зовут живые, которым это нужно. Я обошел кирпичный дом на Средней – серое здание с отваливающимися водосточными трубами – и пробрался на чердак. Я бродил среди перевернутых кресел в неработающей части детского сада. Все впустую. Каждый звук усиливается, когда приближаешься к его источнику, – здесь не так. Везде было одинаково страшно и тихо/громко.

Я взял с собой хлеб и сотенную бумажку с портретом Варынского³ и сбежал. И остановился только в полях по дороге в Мыслибуж. Звук был чистым и громче, чем раньше. Я прижал ладони к ушам. Ударил себя камнем по голове. Я мог поклясться, что за мной стоит орущая толпа, хотя там не было никого. «Где вы находитесь? Зачем вы это делаете?» – спрашивал я. Сейчас-то мне известно, что мир никогда не отвечает. У него свои песни. Одну мне довелось услышать.

Словно стук тел, падающих в мокрую яму. Словно танк, едущий по костям. Вой матери, чьих детей распотрошили живьем. Вот что-то наподобие этого.

10

Велосипеды означали свободу. Мать позволяла мне ездить только по парку, но никогда не интересовалась, куда я исчезаю на целые часы. Так что мы встречались в парке, под скелетом дота, и отправлялись в дальние экспедиции. У всех были «Вихри-3», только у меня был кремовый трехскоростной «Юбиляр», ибо только я слышал то, что слышал.

³ Людвик Варынский (польск. Ludwik Tadeusz Waryński, 1856–1889) – польский революционер, основатель Интернациональной социально-революционной партии.

Летом мы ездили на затопленный карьер, несли велосипеды по узкой тропинке на известняковых скалах, высоко над твердым зеркалом воды. Купались голыми. Потом я злился на солнце, потому что хотел поскорей обсохнуть. У DJ Кривды в камышах была спрятана удочка, но он никогда ничего так и не поймал. Может, потому, что ловил только на хлеб?

Мы уезжали все дальше и дальше, руководствуясь дорожными знаками – столько-то до ближайшего населенного пункта. Мыслибуж, Болькув, Валбжих. Машины на полной скорости пролетали мимо нас, злобно гудя. Мы срезали дорогу через лес и поддерживали друг друга, когда дорога становилась слишком тяжелой или когда мы теряли направление. Однажды мы добрались до самой Легницы, и каждый заказал по порции мороженого со взбитыми сливками. Блекота оставил деньги дома; мы заплатили за него. Ели медленно, пьяные от победы и тайны. Никто не знал, где мы и что делаем. Эти минуты были только нашими.

На волне этой победы мы решили взять Вроцлав. Ну, не так уж он и далеко? Мы выехали сразу после завтрака, и все шло хорошо, пока мы не добрались до старой, немецкой еще, автостреды, где на серых плитах подпрыгивала машина за машиной. Оставалось только грустно смотреть, как на дальний берег, оказавшийся слишком далеким. Тромбек сказал, что ничего страшного, он все равно когда-нибудь уедет. Во Вроцлав и еще дальше. Обьедет весь мир, чтобы только не возвращаться в Рыкусмыку.

Мы догадывались, в чем тут дело. Домой возвращались в молчании.

11

У матери было много мужчин. Надолго не задержался ни один. Некоторые ошибочно ее оценивали. Считали, что одинокая женщина с ребенком нуждается в новой семье. Но мама желала жить в большом городе, мечтала о кафе и отелях; она задыхалась в Рыкусмыку. Сидела в «Ратуше», ловя взглядом некоторых приезжих. Раз в неделю она ехала в Легницу и не возвращалась оттуда на ночь. Но мужчины сбегали, в испуге от ее ярости и сладости, что сливались в единую подземную реку.

Она могла быть милой и доброй целыми неделями. А потом взрывалась гневом по ничтожному поводу. Как-то раз, когда я капризничал за столом, запихала в себя мой обед, свой обед и все, что нашла в холодильнике. Это случилось мгновенно. По ее подбородку стекал суп. И она сказала, что не голодна – просто несчастна.

Помню матовое стекло двери в ее комнату, озаряемое изнутри свечами. Она расставляла их на полу. Как-то раз один из ее любовников голым телом плюхнулся в огонь. Помню, лил ему на задницу холодную воду.

Когда мне было десять лет, появился полонус, эмигрант-американец. Он родился в Валбжихе, рос в Рыкусмыку, счастливая судьба забросила его за океан и вручила пачку зелени. Курсировал между Польшей и Нью-Йорком, познакомился с матерью, и они влюбились друг в друга насмерть. Она стала еще красивее. Зажигала свечи и ждала гостя. Записалась на курсы вождения и обещала, что покажет мне Америку. В рекламных целях рассказывала, что у меня будет, когда мы там поселимся. Пистолеты в кожаной кобуре. Космические корабли из «Звездных войн». Трансформеры. Компьютер «Коммодор» и кассеты с играми. Даже у DJ Кривды не было таких, хотя его отец постоянно ездил в Германию.

Как-то вечером мама зажгла свечи, но полонус не пришел. Я услышал звук пробки, вылетающей из бутылки. Заглянул в ее комнату. Мать лежала на полу. Из расстегнутой блузки торчал краешек соска. Она пела:

Уничтожим всех людей, всех людей, всех людей,
Пусть придется потрудиться, уничтожим всех людей.
Спровоцируем Создателя, Создателя, Создателя,

Пусть устроит страх и трепет, спровоцируем его!

Мои уши почти одновременно обрели слух. Скрежет, раньше бывший дальним зовом, зазвучал явственней. Я даже различал отдельные голоса. На крышах лежал снег.

12

У меня было много сокровищ. Часы, найденные на свалке, камень со следом раковины, похожим на бородатое лицо, шарики для подшипников, что выносили из кузнечных мастерских. Самым ценным из всех был гвоздь из Собора Мира. Собор, возведенный без единого гвоздя, все же нуждался в стали, чтоб простоять века. Тромбек украл у отца молоток, отвертку и долото. Мы пошли в парк. Было утро субботы.

Мы выбрали стену с обратной стороны от дома пастора. Там никто никогда не ходил. Мы тщательно проверили – в досягаемости руки не было ни единого гвоздя. DJ Кривда сказал, что в этом ничего странного, потому что в эту игру играли еще наши прадеды. Гвозди мы найдем выше. Так он сказал и, словно обезьяна, начал карабкаться по толстым бревнам. Залез метра на три. Мы бросили ему долото, потом молоток. Он прыгнул, держа в зубах здоровенный ржавый гвоздь, потом дал нам всем его подержать. После него влезли Сикорка и остальные. Блекота приклеился к стене собора, словно неудачливый паук, у которого оторвали четыре ноги. Поддевал металл долотом, делая из молотка рычаг, упало долото, упал молоток, упал и Блекота. Но свой гвоздь он получил.

Пришла моя очередь. Я не смотрел вниз. Начал ковыряться близ ржавой шляпки. Понемногу вырывал металл у дерева и знал, что это буквально вопрос минут. Но тут DJ Кривда зашипел, что мне нужно торопиться, ибо пастор идет в нашу сторону. Друзья нервно поглядывали в сторону кустов. Я дернул еще несколько раз и прыгнул без гвоздя.

Мы сбежали все, но стыд преследовал только меня.

Той ночью я не мог уснуть. Взял хлебный нож и тихо смылся из дома. Мама спала пьяная, а парк вспухал звуками ночи. Ожили духи. В кустах таились тени, скрещая когти на худых коленях. Собор Мира тогда еще не был подсвечен. Я взобрался на ощупь и нашел свой гвоздь. Дерево долго не хотело отдавать его мне, и я выщербил нож. И наконец он был у меня в руках – теплый, как клык громадного зверя, которого я убил своими руками.

Возвращаясь домой, я избегал аллеи. В кустах наткнулся на бандита, шестнадцатилетнего Вильчура, увлеченного расстегиванием лифчика у какой-то пьяной девушки. Он заметил меня, крикнул, потянулся за камнем, но пока бросил – я уже был далеко.

13

Классе в восьмом я спросил про отца. Скорей всего, спрашивал и раньше, но не помню. Раз в месяц приходили переводы на почтовых бланках, заполненные квадратным почерком. Мать всегда хватала их первой, чтобы я не подсмотрел адрес и фамилию. В Рыкусмыку все знали всех.

– Было дело, давно уже, – ответила она мне как мужчине. – Мимолетное приключение, наверняка страшное, а может, и забавное. Но удачное, потому что ты плод этого приключения. Я рада, что ты есть на свете, и рада, что мы остались вдвоем.

Я не дал ей уйти от ответа и повторил свой вопрос. Она выдохнула сигаретный дым мне в лицо.

– Выйди из дома, – услышал я. – Посмотри на стену, на потек мочи на стене, на человека у этой стены. Это и будет твой отец. Не ищи.

14

Отец DJ Кривды ездил в Германию и привозил сыну пластинки. В те времена пластинка с Запада была чем-то необычайным. У нас были свои ситец и бусы, как у индейцев.

DJ Кривда жил в двухкомнатной совсем рядом со мной. Он не любил этот город и часто обещал, что как только поступит в вуз, сразу переедет к какой-то тетке в Краков. Его трудно было понять. Мать не хотела, чтобы я вешал плакаты, даже у себя, а он мог. Был у него один с мускулистым варваром, ведущим победный бой на горе скелетов. И другой, где священника в кандалах преследовал рогатый гигант. Когда мы приходили в гости, всегда горела лишь одна небольшая лампа, а на окне стоял единственный цветок. Мы усаживались на пол. DJ Кривда включал проигрыватель. Мы сосредоточенно слушали; обложка диска гуляла по рукам, разжигая воображение. Одетые в черное музыканты напоминали богов подземелий. Трупы и замки, люди и чудовища – все это было как ворота в иной, лучший мир.

Грохот музыки захватывал нас всех, даже Сикорку, который сидел чуть поодаль и кивал головой, словно бился о невидимую стену и ему это очень нравилось. Рев вокалистов тянул нас в глубь самих себя и куда-то еще, гитары безумствовали, как огонь в деревянной церкви, гул ударных заставлял оцепенеть одни части тела и ожить другие. Мы все верили в то, что в этой музыке скрывается нечто большее, чем просто сердце и звук. Металл был больше, чем Рыкусмыку, а может, даже и чем Легница.

Потом каждый вынимал чистую кассету, купленную в пятницу на Замковой площади. DJ Кривда изображал, что злится. Говорил, что это его затруднит, что ему придется слушать одно и то же еще четыре раза. Но в конце концов он соглашался. Мы начинали разговор о том, кто что в последнее время слушал, какая пластинка лучше, а какая хуже, кто из вокалистов лучше всего орет. Сикорка все время напоминал, что надо говорить не «песни», а «произведения».

Дома я садился за стол, включал плеер, рисовал сперва эмблему, а потом обложку группы, в которой я когда-нибудь буду выступать. Сочинял список произведений и подписывал название фирмы, крупнейшей из тех, которые я знал. Абсолютно уверен, что все, кроме Сикорки, делали то же самое.

15

Как-то раз я увидел маму в состоянии пьяней обычного. Вечер был теплым, и мы задержались на свалке, глядя, как голубоватый огонек ползет под горами мусора к хитро уложенным бомбочкам. Я возвращался, пахнувший серой и счастьем; дверь оказалась закрытой, и пришлось подождать. Я слегка разозлился. Не знал, что делать. Мама ввалилась во двор с тфлей в руке.

Грозила небу кулаком и упала на капот автомобиля. Я завел ее домой. Со стыдом думал, что все соседи подглядывают за нами в замочные скважины. На кухне мама вынула бутылку и наполнила две рюмки. Мы уселись друг напротив друга. Я не знал, что должен сделать, но чувствовал, что если напьюсь, то потом пожалею. Мама протрезвеет и будет обижаться, что я не удержал ее. Так что я просто молчал, ожидая дальнейшего.

– Есть проклятое место. Настолько плохое, что даже Бог туда не заглядывает, – сказала она. – Там темно, грустно и плохо. Только люди об этом не знают. Думают, найдут что-то, какое-то солнышко. Хрен там, сыночек любимый. Один хотел бы женщин. Другой денег. Третий еще что-то, и каждый – прыг через рога, а рога острые, и даже если получится, догонят, достанут. Всегда будешь чувствовать их позади себя. Прикажут тебе вернуться. О да, каждый возвращается. За добавкой или за смертью.

Мои мысли кружили совсем в другом измерении. Я спросил, зачем она мне это говорит.

– Ты мой сын. Мир для тебя – слишком мало. Ты будешь ходить. Но туда не иди. Не ищи. И моли Бога, чтобы самому остаться не найденным. – Она понизила голос: – Он тебя хочет.

Я уложил ее спать и вернулся на кухню, где стояла бутылка водки и полные рюмки. Повертел свою в руках и вылил содержимое. Лег сам, но заснуть не мог. Тогда я вернулся обратно и вылил всю бутылку. Думал о том, что услышал, а мама пела во сне.

16

Я решил поискать отца. Поскольку мама всю жизнь работала в доме культуры, начал именно оттуда. Я ходил на рисование и танцы, приглядываясь к преподавателям. Кто из них? Наблюдал я и за техническим работником, паном Габлочяжем, пытаюсь найти свои черты в его добром бездумном лице.

Я проник в отдел кадров и провел полдня среди картотек. Проверял, кто и когда устраивался на работу и когда увольнялся. Выписал себе пару фамилий. Покопался, оба не подошли. Зато наткнулся на несколько фотографий моей мамы, сделанных давным-давно за кулисами концертов, выставок и театральных представлений. Всегда с улыбкой, с сигаретой в мундштуке и остатками вина на дне бокала. Она напоминала мне капитана Корабля Дураков, что как раз собирается на покорение Островов Счастья. Не доплыла. Другие и вовсе утонули.

Дом культуры не принес ответа. Я перенес внимание на милиционера Кроньчака, у которого, по слухам, женщин было больше, чем у любого другого в Рыкусмыку. Каждое воскресенье он прогуливался в костюме с новой любовью под боком, а в будни влеплял конские штрафы всем, кому не везло в любви. Я крутился вблизи отделения. Выискивал взглядом его «полонез», пока Кроньчак не сообразил, в чем дело. Остановил меня и поинтересовался, не хочу ли я, случаем, хорошенько по шее? От испуга я выпалил правду. Он нахмурился, сказал, что это чушь, наорал на меня и прогнал. И я поверил ему, потому что он весь посерел и затрясся, а в его глазах повисли две тяжелые слезы. Милиционер Кроньчак не был моим отцом. И по какой-то причине очень об этом жалел.

Безумная Текла тоже искала своего папу, и я решил, что она могла бы помочь. Кто тебя делал, жилистая девочка, скажи мне. А когда скажешь, добавь, прошу, отчего у него не получилось. Текла была старше на десять лет и бесцельно таскалась по всему городку. Усаживалась на невысокой стенке близ замка, разговаривала сама с собой, а ее пальцы, все в дешевых колечках, вели друг с другом сложные состязания. Когда она была младше, каталась по земле. Говорили, что на спине у нее остались шрамы от битого стекла. Но лицо ее было симпатичным, веснушчатым.

Я нашел ее во дворе на Костельной, где она собирала ловушку для куницы. Сказала, что зверек приходит ночью и душит цыплят и что с этим надо что-то делать. Ловушка состояла из ремня, завязанного петлей, кирпича в качестве противовеса и приманки в виде кусочка сыра. Я объяснил, что меня мучает. В смехе Безумной Теклы прозвучало участие и доброта. Она предложила мне спрятаться вместе с ней и ждать. А ну как в ловушку вместо куницы попадет мой отец? Я не успел принять решение – во дворе нарисовалась мать Теклы, богачка Владислава, и забрала дочку домой.

После этой встречи я понял, что никогда не узнаю отца. Но еще немного пошатался по городу. Заходил в «Ратушу» или в бар на Монастырской, где по вечерам подрабатывал молодой бандит Вильчур. Так долго вглядывался в лица мужчин, что меня прогоняли. Тогда я садился на остановке, словно рассчитывая на то, что папа однажды вернется.

Что случилось бы, если б я его нашел? Ничего особенного. Как-то так я себе это представлял: подхожу к человеку и попросту спрашиваю: «Это ты мой папа?» И он даже не успевает ответить, как я вижу ответ в его испуганных глазах. И тогда я говорю, что пусть не беспокоится, я сейчас уйду и никогда больше не вернусь. Скажи мне только одно, папочка. Почему я слышу

то, что слышу? Почему оно так страшно скрежещет и даже сон не дает мне отдыха? А когда ответишь, то хотелось бы еще услышать, как с этим справиться. Дай мне лекарство. И если ты это сделаешь, то никогда больше меня не увидишь.

Но я никому этого так и не сказал. Я все же был не дурак и начал подозревать, что мой отец живет где-то далеко, а в Рыкусмыку появился лишь случайно.

17

В лицее была такая Ника. Волочилась за парнями и, насколько я знаю, считала себя некрасивой. Любила мешковатые брюки и фланелевые рубашки. В ухе носила металлическое колечко. Я не мог отвести взгляда от пенящегося пузырька слюны, что пульсировал у края ее губ. Мы все пробовали мутить с ней, и больше всех Блекота, который прямо влюбился. Но ее интересовали те, кто был к ней равнодушен.

Ну и я подкатывал понемногу, без особенных надежд. Пару раз засунул ей руку под рубашку. Наврал ей про девушек, с которыми спал раньше, но она посоветовала врать поменьше, потому что впечатления это не производит.

– Ты слишком милый и чересчур стараешься, – сказала она. – Если хочешь, покажу тебе пару вещей, в будущем пригодятся.

Тело было ее, место обеспечивал я. Убедился, что мать зависла в театре, и мы пошли на Среднюю. Мы разделись. Я искал влажное место выше, чем было нужно.

– Не здесь, дурачок. – Она рассмеялась. – Не нервничай ты так. Может быть, сначала как-то по-другому? Чтоб ты расслабился?

Я отказался. Хотел уже, чтоб это все быстрее закончилось. Боялся, что не смогу или что у меня лопнет уздечка и зальет кровью все у нее внутри. Но Ника очень помогла мне. Я очутился в ней, она положила мне руку на шею. Я двигался медленно, чтобы не разочаровать ее. Так вот ради чего все в жизни, подумал я – и тут у меня взорвалась голова.

Стон убиваемых. Вой человека, проклиняющего смерть. Я услышал это. Ослеп. Сталь распорола мне пах. Наверное, я кричал. Не помню.

Я очнулся на полу у стены. Скрежет стал громче. Ника тряслась на другой стороне комнаты. Я простонал «помоги», но она подхватила одежду и одним прыжком оказалась у дверей. Я слышал, как она с криком упала на лестнице. Должен был ей помочь. Но не мог. Ничего не мог на тот момент. И мне было абсолютно все равно.

18

Блекота никогда не приглашал нас к себе, зато много рассказывал о коллекции хоррора на кассетах и об американском видеомагнитофоне. Часто занимал у нас по мелочи и забывал отдать, что раздражало, ибо никто из нас в золоте не купался. В конце концов мы узнали правду.

Блекота жил с родителями на двадцати квадратах, туалет был в коридоре, а собственную комнату ему заменяла кровать, отделенная перегородкой от остальной части. Плюс еще полочка с книгами да стол, за которым он делал уроки. Мать была уборщицей в кузнечных мастерских, отец появлялся и исчезал. Блекота очень устыдился и сообщил нам, что втихаря учится водить машину и у него отлично получается. И что вскоре уедет отсюда. И все бы было ладно, если б не Сикорка, который – злясь на вранье – начал его подкалывать. Пусть, мол, покажет нам, как это он якобы водит, а еще лучше – пусть куда-нибудь нас свозит. Все под-

ключились к этим уговорам. Блекота встал и сказал, что раз так, то делать нечего и он приглашает в «трабант»⁴.

Думаю, что каждый, кроме Сикорки, хотел остановить Блекоту. «Трабант» стоял запаркованным в тени каштана на Школьной. Мешки с одеждой, набросанные на заднем сиденье, мы с трудом убрали в багажник. Блекота подвинул водительское сиденье себе по росту, повернул ключ зажигания, и автомобиль поехал по Рыкусмыку, ведомый, казалось, уверенной рукой. Я был рад, что сижу в середине и никто не может меня увидеть. Предложил Блекоте, чтоб тот кратчайшим путем выехал за город. Он так и сделал. Черница уже спала. За деревней асфальтовая дорога разветвлялась на Валбжих и в сторону леса. Блекота выбрал второе направление. Его распирала гордость. Он опустил стекло и выставил локоть в окно.

Дорога взбиралась на покрытый лесом холм, ночные бабочки танцевали в свете фар. Мы остановились на вершине, встали, опершись на «трабант», и разглядывали тихий Рыкусмыку внизу. Автобус въезжал на площадь, отделение милиции щурило свои неоновые глаза, окна постепенно гасли. Тромбек крикнул, что в замке на нижнем этаже горит свет, – это было невозможно, поскольку окна там были давным-давно забиты. Но он был прав. Блестело так, словно кто-то развел огонь в подземельях. Мы долго стояли так, замороженные, потом Блекота объявил, что пора домой.

Мы уселись в машину. Блекота попробовал развернуться. Неизвестно, то ли он слишком сильно нажал на газ, то ли не справился с управлением. «Трабант» слетел в кювет, и остановило его только дерево. Взвизгнул трескающийся дюропласт. Панель управления свалилась на колени Блекоте и Тромбеку, погас свет, и настала тишина.

Мы вышли из машины. Задние колеса автомобиля сонно крутились над асфальтом. Блекот попытался открыть капот, но ни у кого не оказалось фонаря или спичек, чтобы оценить масштаб катастрофы. Он весь трясся и повторял, что теперь ему можно домой уже не возвращаться и лучше б ему было умереть. Мы начали утешать его и безрезультатно пытаться вытянуть машину обратно на дорогу. Блекот уселся, обхватив руками голову.

DJ Кривда присел напротив него и объяснил, что нужно сделать. Оставим машину и вернемся в Рыкусмыку через лес, напролом, чтобы никто нас не увидел – и как можно быстрее. Ключи вернутся на свое место, и мы обо всем забудем. Кто-то украл машину, кто-то когда-то ее найдет. Так он сказал и помог Блекоте встать.

19

Дорога круто спускалась вниз. Мы шли цепочкой. Ветви хлестали по нашим лицам, а месяц светил ясно, серебря шероховатые стволы и предательские обрывы, разверзающиеся под нашими ногами. В воздух взмывали ночные птицы. Какое-то крупное животное выскочило из кустов в паре метров от меня и метнулось куда-то вслепую, теряя по дороге сон. Мы быстро потеряли Рыкусмыку из виду. Я пытался прикинуть, сколько километров мы проехали на «трабанте». Боялся, что не успеем вернуться до утра.

Лес кончился, мы перебежали поля и углубились в рощу на другой стороне. Местность пошла равнинная. Блекота трясся и плакал. Никто не знал, сколько времени, и при виде мигающего из-за деревьев огонька все пустились бежать. Одноэтажную хатку окружал шербатый забор. Во дворе нас встретил собачий лай – с цепи рвался здоровенный пес. В дверях дома показался пан Герман, пьяный в лоскуты и с ружьем. Он сразу же заметил нас. Спросил, что мы тут делаем, и заявил, что сейчас всех поубивает. Крабым шагом подошел к конуре. Перебросил ружье в левую руку, а правой схватил цепь. Крикнул:

⁴ Trabant (нем.) – «Спутник», полное название – Sachsenring Trabant – марка восточногерманских микролитражных автомобилей. В каком-то смысле можно считать аналогом горбатого «Запорожца», символом социалистической нищеты.

– Взять их, Гучо!

Мы бросились бежать, слыша за собой лай и ругань. Герман тонко прочувствовал момент и спустил пса, когда мы уже подбегали к забору. Бешеная пасть искала проход между штакети́нами. Помню долгий бег и фары на дороге. Блекота упал на колени, и не было сил, чтоб его поднять.

Автомобиль переключил фары на ближний свет и остановился. Внутри сидел молодой бандит Вильчур. Спросил, что мы тут делаем, но не дождался ответа. Мы глядели на него стойко, и даже Блекота вытер слезы. Молодой бандит Вильчур покивал тогда и сказал, что раз так, то тайна должна связывать людей, а не разделять, и чтоб мы селились. Без единого слова довез нас до Рыкусмыку, высадил близ рынка и, помахав грязной рукой, побрел к «Ратуше».

Блекота отнес ключи на место, и все на этом закончилось. Его отец бесился, но так никогда и не узнал правды. Гораздо позже я узнал, что милиция задержала молодого бандита Вильчура и долго его допрашивала по вопросу «трабанта». Он не сказал ни слова.

20

С отцом я познакомился, когда он подал на меня в суд. Посчитал, что раз уж я совершеннолетний, то на алиментах можно сэкономить.

Мама взяла это на себя. Вскоре появилась с бумагами от адвоката, я подписал и даже не знаю, когда состоялось слушание. Потом суд рассмотрел наш иск и алименты повысили. Мама ликовала, я тонул в невеселых мыслях. Отец, раньше всего лишь тень, спрятанная за капелькой спермы, превратился в человека и адрес. Жил на Стальной, дом семь, квартира сорок.

Я пошел туда только после выпускных экзаменов. Едва сдал на аттестат, но сдал, и мне казалось, что отец это оценит. У дома стояли три одинаковые голубые «Шкоды» с номерами, отличающимися только на одну цифру. Я чувствовал, что это его машины. Он открыл мне дверь в майке-алкоголичке и брюках от костюма. Сразу же понял, кто я. Пригласил внутрь.

У него были усы, землистого цвета физиономия и траурная кайма под ногтями.

Я представлял его совсем иначе.

– Извини за эту ерунду с судом. – Ему явно было тяжело вести этот разговор. – Мы кое-какие дела не закрыли с твоей мамой. Она страшные деньги с меня содрала. Тебе вообще хоть что-то дала?

Я ответил, что справляемся как-то. Он задавал идиотские вопросы – есть ли у меня девушка, как дела в школе, что я собираюсь делать в жизни. Когда он услышал, что планирую учиться дальше, глаза его сузились в щелки.

– Я хотел пойти работать, но раз уж есть аттестат, то, может быть, в студенты? – Я подал ему аттестат. Он надел очки. Читал медленно. Встал, вынул бумажник из искусственной кожи, подал мне несколько банкнот, а потом руку. На прощание.

– Лучше тебе сюда не приходите, – сказал он. – Нужны будут деньги, звони. У каждого из нас своя жизнь, и пусть оно так и будет. Прости, но, наверное, так будет лучше.

Я спускался по ступеням, словно медленно погружаясь в пропасть. Темнота поглотила меня. Пришел в себя я лишь на автобусной остановке, судорожно сжимая пальцами оторванное зеркальце от «Шкоды».

21

Я пытался отойти от встречи с отцом, а Тромбек зашел в подземелья замка дальше, чем кто-либо до него. Сук трещал под моей тяжестью, зато прохлада внутри была очень приятной. Тени коридора складывались в усатое лицо моего папы. Деньги горели в кармане.

Тромбек пошел первым и, как оказалось, последним. Линейка цифр, выцарапанных на стене, кончалась числом сорок восемь. Мы начали считать. Тромбек превратился лишь в тусклый свет зажигалки. Мы дошли до сорока, и стало понятно, что происходит нечто невероятное. На пятидесяти шагах мы начали аплодировать, а еще через десять шагов у нас перехватило дыхание. Мы были уже в том возрасте, когда неприлично бояться подземелий и темноты, и все же у каждого душа ушла в пятки.

На шестьдесят седьмом шагу Тромбек испустил сдавленный крик. Зажигалка погасла. Мы звали его, спрашивали, все ли в порядке. Из глубины повеяло холодным воздухом, и в освещенную окном зону шагнул Тромбек. Он был весь мокрый и прижимал к груди какой-то небольшой предмет. Не проронил ни слова, пока мы не покинули территорию замка. Лишь тогда он тяжело уселся на стол в самой темной части торговой площади, попросил пить и показал, что нашел в коридоре.

Это был кусок рога какого-то большого зверя, неровно отломанный, длиной с указательный палец. И очень старый. И со следами крови.

22

В тот день я перестал верить в случайности. Мы нашли рог. Я познакомился с отцом и нашел маму – уже холодную. Она уронила голову на свою косметику перед зеркалом. Рядом стояла едва початая бутылка «Люкса». Врач сказал, что она умерла трезвой, а причиной смерти указал аневризму. Я в это не верю, потому что аневризма лопается, когда ей заблагорассудится, и ничего не ждет, как ждала мама, когда я стану взрослым и смогу справляться дальше без нее.

Глава вторая

1

ЭТО БЫЛА последняя неделя лета; все, кроме меня, уезжали, и никто не собирался возвращаться.

В Рыкусмыку обанкротился первый из трех пунктов видеопроката, тот, в котором не было порно, а только мягкая эротика. Хозяин, пан Габлочяж, продал конкурентам все касеты, которые они хотели купить, а остальное выставил на торговой площади в рядах картонных коробок. Он перекрасил изнутри свой пункт, смонтировал решетки и уселся за широким прилавком ломбарда. За его спиной громоздились утюги, плееры, телевизоры и небоскребы видеоманитофонов, словно напоминание о его фиаско. Он никогда ни о чем не спрашивал, а когда Кроньчак приходил с ордером, то просто впускал его внутрь. Сам же в это время курил перед входом и совершенно расслабленно ожидал дальнейшего. В музыкальном магазине на Старомейской появился отдел с глянцевыми журналами и косметикой.

Косметику продавали также и со столов под арками у рынка. В основном это были фальсификаты известных марок; стерегли их ворчливые старушки и языкастые шиксы с пальцами, созданными, чтобы считать мелочь. В брезгливо оттопыренных губах тлели сигареты. В витринах, темных еще недавно, появились распродажи тряпья, секонд-хенды, которые с утра опустошали женщины, а вечером мужчины, ищущие дешевую одежду для работы за Одрой. Шампиньоны сохли на жирных жульенах, малолетние карапузы гордо рубали блины с клубникой и рисовали пальцем узоры на стеклах кафе-мороженого.

Тем летом на рынке выступали старые артисты – Поломский, Гулевич и Цвынар, собирая случайных зрителей. Молодежь слушала Massive Attack и Мэрлина Мэнсона. Собирались на втором этаже бара «Левиафан», у реки, вливали в себя местное пиво «Пяст», крутились между столиками, стреляя сигареты. Предприимчивый Вильчур продавал разливное пиво поблизости от замка. Я слышал, там можно было купить не только пиво, если задать правильный вопрос. Девушки ездили во Вроцлав, торговали там бижутерией ручной работы. Парни сняли хозяйственную постройку у гаражей на Рапацкого, подвезли туда штанг и гантелей. Принимали всех за смешные деньги, благодаря чему Сикорка существенно окреп.

По городку кружили активистки организации, борющейся за права женщин; похоже, что их привлекли истории об изнасилованиях, как любимом занятии мужчин Рыкусмыку. Кроньчак утверждал, что ничего о подобном не знает, активистки же отвечали, что по таким случаям заявлений не пишут. Организовали лекции в здании лицея для взрослых, раздали кучу листовок и поехали себе дальше, ибо, как известно, изнасилования случаются во всем мире.

Полицейский Кроньчак купил себе «Порше» во вроцлавском салоне и ездил на нем даже от участка до «Ратуши», паркуясь перед самым заведением, ко всеобщему возмущению. Потом шел за косметикой под арки и долго разговаривал с девушками. В то лето он гулял с миниатюрной красавицей, вроде бы аспиранткой химии в политехническом. Я видел, как в воскресенье после обеда он провожает ее на автобус, как они обнимаются на прощание, как он нервно поглядывает на водителя и уходит, чтоб застыть над рюмкой водки.

Городская рада, по инициативе богачки Владиславы, попыталась победить Кроньчака. Идея огородить рынок бетонными вазонами рухнула, но зато удалось сделать нечто иное – за июль вокруг замка возвели ограду с колючей проволокой поверх нее и будкой охранника на входе. Местный журналист спрашивал, для чего это все, но не дождался ответа.

Бог во всех проявлениях посетил Рыкусмыку. К ужасу пастора, появились даже пятидесятники со своей общиной. Говорили на языках и возлагали людям руки на головы. Кришнаиты тряслись над своими четками, последователи какого-то корейского безумца сняли целый этаж в доме культуры и там обучали, как на самом деле устроен мир. Каждую субботу мусорки в новых кварталах были полны экземплярами «Сторожевой башни»⁵. На стене кладбища появились граффити, прославляющие Сатану, явно нанесенные очень наскоро.

Был конец августа, и день трещал от солнца. На рынке шел фестиваль хлеба; он привлёк птиц со всего района, скрутив их в голодную воронку. Я смотрел, как они уходят в небо. Скрежетали в моей голове, а парк был разноцветным от велосипедов, шариков и плакатов.

2

В последнюю субботу лета странности начались сразу после обеда. Я возвращался с закупками для костра. Скрежет сдавил мне голову; из сетки, что я выронил, выкатились сосиски и три банки «Пяста». Я уселся перед «Ратушей», на солнце. Официантка спросила, как я себя чувствую. Я соврал ей что-то и заказал кофе. После стольких белых ночей сон накрывал меня где угодно.

Я корчился в кресле, умоляя скрежет стихнуть. Поднял голову. С улицы Храброго, то бишь со стороны замка, показался пан Габлочяж в цветной синтетической рубашке. Курил сигарету и разглядывал Рыкусмыку как свою собственность. В двадцати метрах за ним шла Безумная Текла. Затягивалась летним воздухом и повторяла его шаги. Большой палец засунула за лямку пояса, в точности как он. Сумасшедшая тень.

Габлочяж не видел Безумную Теклу, да, похоже, вообще никого не видел. Просто вышагивал вдоль стены рыночка и наверняка направлялся в свой ломбард. Безумная Текла точно поймала ритм его шагов. Двигалась яростно, вколачивая ноги в землю, так что птицы разлетались.

Когда пан Габлочяж добрался до Костельной, Безумная Текла остановилась и встала навтыжку. Пан Габлочяж рухнул, словно получил удар в середину спины. Охнул. Обернулся в поисках врага, но увидел лишь меня у столика, пьяниц под арками и Безумную Теклу, что засмеялась и побежала в обратную сторону. Тогда он встал и тоже ушел, с недоумением крутя головой.

3

Я думал, что этим вечером мы займемся не тем, чем обычно, так что удивился при виде Сикорки, тащившего компьютер с монитором. Кабели путались у него под ногами. Он сразу же начал расставляться, сконфигурировал связь. В те времена беспроводной сети не было, и, чтобы поиграть в Quake, приходилось вот так мучиться. Я спросил у Сикорки, зачем он это делает, ведь мы собирались на костер и так далее. Он ответил, что одно другому не мешает, а если я планирую устраивать какое-то торжественное прощание, то он против.

– Знаешь, что мне отец сказал? – буркнул он. – Даст мне работу! На стройке. У него полсотни фраеров на окладе, а мне другой работы не нашлось.

Сикорка не попал на юрфак, и ему нужно было куда-то приткнуться на год. Его отец строил Варшаву, что-то типа этого. Я ответил, что, возможно, не все так плохо и он, по крайней мере, увидит другой город, что-то подкопит, а год – не приговор. Сикорка только махнул рукой да мрачно заметил, что в Англии заработал бы больше и что, наверное, туда и поедет. Попросил

⁵ Журнал религиозного содержания, который выпускается последователями секты «Свидетели Иеговы».

помочь ему с кабелями и подключением. Монитор мы поставили на книги. Сикорка замер перед экраном. Так было всегда. Он приносил свой компьютер, и мы гоняли в кваку⁶ целыми часами. Потом я шел в бывшую мамину комнату, которая теперь стала моей, ложился, и под моими веками коридоры и разлетающиеся головы врагов сливались с бледным рассветом.

Я предложил партию для разогрева, до начала турнира. В дверях объявился Блекота, тянувший за собой измученного DJ Кривду. Рукопожатие DJ Кривды было влажным. Он уселся в углу и сказал, чтоб мы пока играли без него. Подтянул к себе полный пива рюкзак, и мне показалось, что он хочет поскорее напиться, что было совсем на него не похоже. Я спросил, что случилось. Он пожал плечами, ответил, что ничего особенного и он-де просто думает, что же будет дальше, раз мы все уезжаем из Рыкусмыку. Я рассмеялся, поскольку планировал остаться – я поступил в политехнический и рассчитывал каждый день ездить во Вроцлав, чтобы сэкономить на проживании. Проезд тоже денег стоит, заметил Блекота.

Мы начали играть. Я старался сразу же набрать как можно больше очков. Разрубил Сикорку, расстрелял Блекоту. DJ Кривда мял в углу пустую банку из-под пива. Я рассказал про Безумную Теклу и про то, что она сделала с бедным Габлочяжем.

– Я слышал, что эта самая Владка ей не мать, а бабка, – сказал Сикорка. – Старой карге ведь лет семьдесят верных.

– Я даже не знаю, сколько самой Текле лет, – ответил Блекота. – Говорю вам, господа, надо валить отсюда как можно дальше. Никаких Безумных Текл, к черту Владиславу и Габлочяжа. Мне, пожалуйста, немного нормальности.

DJ Кривда хотел ему что-то на это сказать, но передумал. Тромбек вошел без стука и молча пожал каждому руку. Под глазом у него был сизый фингал. Я спросил у него, в какую историю он впутался. Он лишь покрутил головой и сказал, что в такую, как обычно. Мне стало неловко. Тромбек прогнал меня из-за компьютера и спокойно добавил:

– Но, может быть, и нет.

4

Блекота, подозрительный по природе своей, утверждал, что большой мир только и ждет, чтобы раздавить таких жучков, как мы. Рассказывал про старших знакомых, обманутых на съемных квартирах, которые потом, как бы ни старались, все равно заканчивали с какой-нибудь страшной девкой в норе у черта на рогах и без денег на повторный год учебы.

– Надо за этим делом следить. Трахаешься-трахаешься, а потом просыпаешься – а рука в ночном горшке. Девушек надо опасаться. Каждая только и хочет поймать парня, а потом захомутать его.

Мне хотелось спросить, откуда бы Блекоту знать об этом. Думалось о том, что через неделю Сикорка уже не придет с компьютером и придется справляться самому. Сикорка дергал мышкой и лупил по клавишам так, словно хотел их разнести. Но ничего не мог сделать. Тромбек просто играл лучше. DJ Кривда смял еще одну банку и сказал, что теперь его очередь. Сикорка не уступил места, он хотел отыграться.

– Да как хочешь, – буркнул DJ Кривда. – Нет смысла напрягаться, везде по ходу одно и то же. Те же проблемы.

– Ну нет, – ответил Блекота. – Например, той же Теклы в других местах не будет. Затеется в толпе. На Западе каждый хочет тебе помочь, а тут каждый следит, чтоб ты не вылез выше других. Даже бабы смотрят только на кошелек. Вот и весь ваш Рыкусмыку.

– Везде смотрят.

– Вот и нет. Есть нормальные девушки. Мне такая нужна.

⁶ Сленговое название игры Quake.

Сикорка сжал губы и швырнул мышку на пол. Все бы обошлось, но Тромбек начал смеяться. Я не успел глазом моргнуть, как они уже стояли друг напротив друга и лаялись. Осатаневший Сикорка бешено выкрикивал кодекс игры в квейк, который только что сам и придумал, Тромбек же гоготал и ругался. Вот-вот сцепились бы всерьез, но тут DJ Кривда встал и сказал, что если будем так играть, то и на фиг бы такие игры. Мы не дети, господа. Сикорка ответил ему бешеным взглядом. Уселись обратно, как можно дальше друг от друга.

5

Именно DJ Кривда сказал, что хотел бы сегодня вечером пойти в замок и еще раз прогуляться в глубь коридора. Сказал, что ему все равно, до костра или после.

– Не сделаем этого сейчас, не сделаем никогда, – добавил он, а Блекота высунулся из-за компьютера с вопросом, о каком костре вообще речь. У Сикорки было собственное мнение.

– Я в последнее время разное слышал. Будто бы подземелья хотят залить бетоном, из-за того мальчика, что пропал там. Не полностью, только входы. И опять же, Текла ходит по городу и рассказывает, что замок исполняет желания каждому, кто спустится в самый низ. Выходишь с полными карманами, даже если раньше гроша не имел. Только надо кого-то пожертвовать. Или себя. Тогда получишь то, что хочешь.

– А чего бы ты хотел? Денег? – поинтересовался Тромбек.

Так оно все и началось. Какое-то время мы спорили, кому чего в жизни нужно и решают ли деньги все проблемы, только часть их или вообще ни одной. Блекота снова размечтался о любви, и только DJ Кривда уперся, чтоб снова пойти в подземелья, хотя там никто и не исполняет никаких желаний.

– Если б там сидела какая-то добрая фея, то Рыкусмыку выглядел бы иначе, верно говорю? Был бы тут хоть один человек, у которого дела бы шли нормально. Я не жалею, просто говорю, что Рыкусмыку как бы не совсем Лас-Вегас.

– А я думаю, Безумная Текла права. У каждого, кто спустился вниз, было одно желание. Свалить отсюда и не возвращаться. Я вам обещаю, что если спустимся туда, то именно что-то в этом роде скажу. И вам то же советую, – сказал Сикорка, а смех его напоминал звук пустых банок, катящихся вниз по каменным ступеням. Тут ничего было не поделать, мы просто ждали, когда он закончит.

6

DJ Кривда продолжал свой марафон к бессознательному состоянию. Тремя могучими глотками осушал банку пива, сминал ее и аккуратно откладывал, как если б она была из тонкого стекла. В перерывах между партиями в квейк опирал голову на запястье и смотрелся в погнутое донце. Вынимал из рюкзака следующую банку «Пяста», открывал. Пиво текло у него по рукам, но он не обращал внимания.

– Чего мне будет не хватать? Да ничего. О чем вообще вопрос? Я ведь остаюсь здесь, – рассуждал я вслух. – Курсе на третьем-четвертом, может, и перееду во Вроцлав. Чего дому стоять пустым? Кто-то ведь должен остаться, верно?

DJ Кривда достиг наконец своей цели. Его глаза остекленели. Он начал играть и разнес всех, даже Тромбека. Вдыхал глубоко, и казалось, воздух так и остается внутри него. Боролся с уголками собственных губ. Поднимал их, а они все равно падали.

– Я всегда знал, что будет. – Он убрал пальцы с мышки. – А теперь не знаю. Довольны?

– Я тоже. Но я и сейчас знаю. Буду возиться в пыли с бандой придурков, – сказал Сикорка. – Спасибо большое за такое развлечение.

– Ты так говоришь, как будто у тебя жизнь закончилась.

– Я так говорю, как будто у меня есть проблема.

– В Рыкусмыку всегда симпатичные бабы были, – заявил Блекота и дал понять, что охотно сыграет еще раз. Смеркалось, и нам пришлось задернуть шторы, чтобы красное солнце не отражалось в мониторе. Тромбек ощупывал опухший глаз.

– Знаете, что я вам скажу? Вы все пургу несете. Мы едем туда, где лучше, однозначно. Понимаете? Тут такой сиф, что от пердежа нос отваливается, или вы, курва, ослепли? Я смаываюсь отсюда, и пока, до свиданья, господа, пусть даже придется вкалывать на стройке рядом вот с этим тут.

– Ну спасибочки, – ответил Сикорка.

– Не спасибочки. А так оно и есть. Вот увидите. Через пять-десять лет вам захочется блевать, вспоминая эту дыру. И я вас уверяю, вы натурально проблюетесь на каждое Рождество, Пасху, или на что вы там вынуждены будете сюда приезжать. Родительская еда поперек горла вам встанет. Вы что, реально этого не понимаете?

– Я все думаю, что с нами будет, – сказал Блекота. – С нами, в смысле – с нами. Сечешь, Тромбек?

– А что с нами случится, мир не такой большой. С чего бы, черт побери, нам забывать такую дружбу? Потому что нам еще мало лет? Потому что никого больше не знаем? Мы ведь столько времени держались вместе как можно дальше от этой гнили. Ведь дружба, курва, – она навсегда. Не слыхали об этом?

Я не понимал, сарказм это или Тромбек говорит серьезно. DJ Кривда, посеребранный отблеском экрана, переспросил, что он имеет в виду.

– Ничего, – громыхнул Тромбек. – Говорю, как дела обстоят. И еще я бы хотел, ну, чтоб вы хоть чуть поняли, сказать, что...

DJ Кривда отложил мышку:

– Ты злишься и бредишь.

– Ну да, ну да, это проще всего сказать. Я считаю, что не надо ни на что рассчитывать, и кроме того...

Мы так никогда и не узнали, что же он так сильно хотел нам сказать. Раздался стук, и Тромбек смолк, в испуге глядя на дверь.

7

Я проводил Тромбека в бывшую мамину комнату. У меня была там постель и книжки у настольной лампы, ее фото, а в шкафу стояла бутылка водки, перед которой она умерла. Он лег за кроватью и шепнул мне, чтоб я погасил свет. В коридоре стоял полицейский Кроньчак в кожаной куртке и блестящих ботинках с набойками. Чистые ботинки для Рыкусмыку были чем-то невиданным.

Он не переступил порога, но внимательно осматривал помещение все глубже. Извинился за беспокойство и сразу же спросил, не у меня ли Тромбек, потому что он должен найти его и как можно быстрее доставить в участок. Я ответил, что нет, и поинтересовался, что, собственно, случилось. Кроньчак только этого и ждал. Спросил, может ли войти, и тут же оказался внутри. Обводил взглядом моих друзей и старый диван, на котором они сидели, столик с облезающим лаком, сток на полу в ванной, что был виден через открытую дверь. Астероиды банок, окружающие DJ Кривду. Потом сказал:

– Суббота была такая спокойная, пока не появился ваш товарищ и не наделал нам всем проблем. – Засунул свой нос в ванную, оглядел нас, выбрал Блекоту: – Ты точно его не видел? Я бы поклялся, что вы все время таскаетесь вместе.

Никто не отозвался. Блекота старался не отводить глаз, промямлил, что не знает, что случилось, и ничего общего с этим не имеет. Кроньчак начал его утешать, даже положил ему

руку на плечо. Зыркнул в оба монитора. DJ Кривда не отводил взгляда от полицейского и пил маленькими глотками.

– Я бы тоже бахнул пару пива, но, к сожалению, должен искать вашего приятеля. Завидую вашей молодости и беззаботности.

Ладонь Кроньчака сомкнулась на ручке двери в соседнюю комнату. Я начал объяснять, что там еще мамины вещи, и что я сам не осмеливаюсь туда войти, и уж точно друзей не пускаю. Мама ведь умерла недавно.

– А мне казалось, что уже довольно давно. Да, я отлично тебя понимаю, я и сам терял близких. Ну, не хнычь. – Он говорил все громче в сторону двери. – На сегодня, пожалуй, закончу с поисками, но если вы каким-то чудом встретите своего друга, то передайте ему, что завтра с утра я его жду и что ему было бы лучше все же прийти. У меня тоже был отец, и я знаю, как оно в жизни бывает.

И он ушел, не поворачивая головы. Еще какое-то время стоял под окном и смотрел вверх. Мы молча ждали, пока он уйдет совсем. Из второй комнаты высунулась голова Тромбека, мокрые волосы липли к бледным щекам.

8

Мы кое-что знали об отце Тромбека, и ни у кого не нашлось смелости спросить, что же случилось. Летними днями этот невысокий, но жилистый мужчина делал в парке шпагаты, опираясь щиколотками на две параллельно поставленные лавки. Когда мы были помладше, он брал нас собой на речку и там показывал приемчики. Любил заходить в «Ратушу» и к Дызю, а потом садился на лавке и, всматриваясь в небо, ждал трезвости. Брал в библиотеке кучу остросюжетных книжек. Загибал уголки страниц, к которым собирался вернуться. Раз в месяц крики из дома Тромбека разносились на весь квартал Тридцатилетия, а порой долетали и до Пястовской башни.

Тромбек взял пиво у DJ Кривды, напился и больше его не трогал. Он хотел смыться, потому что был уверен, что Кроньчак сейчас вернется и на этот раз точно заглянет во вторую комнату. Блекота напомнил ему, что все в порядке, если не считать утреннюю прогулку в комиссариат.

– Кроньчак падла и тот еще трус, – ответил Тромбек. – С моим стариком выпил море водяры, так что я отлично знаю, что будет. Откуда, вы думаете, у него этот «Порш»? И бабло на девочек? Из собачьей миски вытащил, с зарплаты полицейского? Щас прям.

– Может, ничего страшного не случилось?

– Случилось.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все тут. Давайте, ребята, умоляю, дергаем отсюда.

Вещи для костра уместились в два рюкзака. Тромбек сказал, что не собирается идти до карьера пешком и мы поедем на машине. На самом деле он боялся встретить Кроньчака, который в его воображении подстерегал в каждом темном углу Рыкусмыку. DJ Кривда обрадовался такой перспективе и сказал, что нет проблем, он поведет машину. Он смял очередную банку, погасил монитор. Ждал. Я настаивал на том, чтобы пойти пешком, а DJ Кривда болтал про «Пунто»⁷, который получил от тетки за сданные экзамены. Стоит, мол, и только ждет, чтоб на нем поехали.

– Перегоним ночь! Поедем себе так запросто, как ездили когда-то! – призывал он, а Тромбек сказал, что раз уж единственный из нас с правами пьян в дрова, то он охотно поведет сам, поскольку умеет.

⁷ Fiat Punto («Фиат Пунто», с *итал.* – «Точка») – компактный легковой автомобиль итальянской компании Fiat.

Да кто его знает, может быть, он и умел? В свое время маленький Тромбек садился в побитой «Шкоде» на колени к отцу и хватался за руль. Отец включал вторую передачу, и так они катились через весь Рыкусмыку. Тромбек нажимал на гудок, люди оборачивались, и на их бешеных лицах внезапно появлялась улыбка.

9

Мы знаем, что было, да и будущее не тайна. Не дается только момент перехода.

Давайте представим. Вот я прихожу в гости к другу. Сперва я должен узнать здание, в котором он живет, и вот я уже знаю, какое оно. Квартал, дом, подъезд. Звоню. Он открывает. Я здороваюсь, снимаю куртку и ботинки. Вижу вешалку, шкафчик в прихожей, электрическую розетку с черным следом от грязных рук. Фотографии. Свет, льющийся из кухни. Моего друга. И это я запомню.

Но каким был косяк двери между лестничной клеткой и квартирой? Новым или потрескавшимся? Белым или каким-то иным? Есть вещи, что проходят мимо нас. Правда на лицах близких. Честные намерения женщин. Момент перехода.

10

Я смотрел в ночь с переднего сиденья. За мной кукла DJ Кривды билась головой о стекло «Фиата Пунто», Сикорка шурил глаза, а Блекота словно бы исчез, втиснутый в угол и заваленный рюкзаками. Мы миновали сторожа, печально сидящего на ступенях детского сада «Прымусек», и кондитерскую с кучей пирожных, сохнувших на витрине. Тромбек вел осторожно, сжимаясь каждый раз, когда мы кого-то проезжали. Разговаривать хотел только со мной.

– Мы должны туда сегодня пойти, – сказал он. – Просто должны.

– Ты веришь в желание?

– Да какой там. Просто хочу закрыть вопрос. Этот тут прав был, если не сейчас, то когда?

Мы въехали в круг света от фонаря. Тромбек сжимал руль. Только тогда я обратил внимание, что костяшки его пальцев в свежих ссадинах.

– В конце концов это нужно сделать, – повторил он.

Блекота начал рассказывать о простых вещах, которых он ожидает. Он получил комнату в общежитии и выразил надежду, что сосед ему достанется тихий. Этажи там, во Вроцлаве, чередуются: этаж – девушки, этаж – парни, а в субботу он сможет вставать, во сколько захочет. Убьет любого, кто начнет стучаться до двенадцати. DJ Кривда буркнул, что в общежитии свои законы. Блекота спросил, есть ли у него уже комната в Кракове.

– Первый год поживу у тетки, а потом видно будет.

Блекота ответил:

– Я через год уеду еще дальше. Ты не попытаешься жить отдельно? Или тетя тебя заставила?

– Да что сразу тетя. Просто у меня бабок меньше оказалось, чем я полагал.

– Господи боже, ну что вы за чушь несете, – подключился к разговору Тромбек. – Какая разница, что там будет? Важно то, что ты возьмешь с собой. И если ты прихватишь весь Рыкусмыку, то эта дыра тебя достанет, хоть бы ты блядей паялил в Гонолулу, понимаешь, в чем дело. Ну, Седес? Что сидишь с таким видом, будто у тебя под носом воняет?

Мне захотелось сказать им правду: я молчу, потому что у меня воет в голове, и от этого желудок превращается в высушенный, как камень, кулак. Буркнул в ответ, что видно будет, и решил посмотреть на дорогу, раз уж Тромбек отвлекся на что-то поинтереснее.

Мы проехали Черницу, и горб карьера был уже рукой подать. На равнинах Нижней Силезии луна не такая, как везде, она больше и более матовая. В ее свете массивный силуэт с бледными глазами прыгнул нам прямо на капот, перекатился и упал под колеса.

11

Животное лежало под «Фиатом» и сдохло, прежде чем мы нашли в себе достаточно смелости, чтобы приблизиться к нему. Тромбек, который в таких ситуациях паниковал, сейчас сохранял спокойствие. Полагал, что надо просто ехать дальше, но помог мне вытянуть тело на обочину. Мне казалось, что пес остывает прямо у меня в руках. Это был Гучо.

Мы схватили его с Тромбеком за мокрые лапы, раскатали несчастного Гучо, чтобы зашвырнуть его подальше в чащу. И в этот момент нас застал пан Герман. Он показался из леса по другой стороне дороги. Я не уверен, но, мне кажется, он все же издал рыдающее «О нет!». Начал орать на нас и оскорблять последними словами. Кричал, что мы должны отдать ему пса таким, как был, а не иначе, а как мы это сделаем – наша проблема, но мы должны, а иначе он нам покажет. На этот раз охотничьего ружья у него с собой не было. В плаще, с растрепанной шевелюрой, вышагивающий в нашу сторону, он напоминал обезумевшего аристократа, блуждающего среди руин сожженного имения.

Мы положили Гучо и встали впятером против пана Германа. Он затих, замедлил шаг, присел рядом с псом и схватил его за голову. Тянулось время. Потом он встал, словно принял какое-то важное решение. Снова завизжал, на этот раз уже совершенно бессвязно. Вопил, что мы сделали это нарочно и что мы подонки, чем перед нами провинился бедный Гучо? Сжал кулаки и зыркал налитыми кровью глазами. Волосы его серебрились в лунном свете.

– Поубиваю вас, одного за другим, господь свидетель!

Тромбек выступил вперед и посоветовал пану Герману начать с него. Раскрытыми ладонями ударил того в грудную клетку. Старик пошатнулся. На его лице появился испуг, а Тромбек раз за разом отталкивал его в сторону обочины. Пан Герман пробовал защищаться. Тромбек схватил его за запястья и тряс.

– Вломи уже ему! – кричал Сикорка, всегда самый быстрый на руку.

DJ Кривда буркнул себе под нос что-то, чего мы не смогли разобрать. Невыносимо тянулись секунды. Пан Герман гнулся перед Тромбеком, косясь то на него, то на Гучо. Явно удивлялся, каким чудом все это случилось. Он уже повис над кюветом. Сикорка подпрыгивал рядом, а DJ Кривда схватился за голову и простонал, на этот раз громко:

– Я заделал ребенка. Заделал ребенка, парни.

12

В зеркале заднего вида отражался пан Герман, пытающийся придумать, как забрать пса с дороги. Они уменьшались на глазах. Мы въехали на полевую дорогу с отчетливыми следами шин, между черными сухими стеблями и зарослями крапивы, разбросанными по камням, поросшим редкой травой. Впереди вставала известняковая стена с безумной шапкой деревьев, ветви которых были изломаны ветром. DJ Кривда обещал, что расскажет нам все, но только у костра, потому что ему надо прийти в себя. Сикорка ответил на это, что вряд ли он оклемается, но DJ Кривда все же хотел попробовать.

Мы понесли рюкзаки по тропинке, круто поднимающейся в гору. На тихом ветру скользили летучие мыши. Вскоре под нашими ногами распахнулась черная поверхность залитого карьера. В ней отражались звезды и еще два костра, красноватые ленты, развернутые по воде. Приходилось идти осторожно, чтобы не упасть; я волновался за DJ Кривду, идущего последним с банкой в руке. Все время оборачивался, чтобы проверить, с нами ли он еще.

У очага мы нашли шпажки для жарки сосисок и немного дров. Разошлись по лесу. Деревья тут росли невысокие и крепкие, падали редко, и прошло немало времени, пока я насобиравал сухих веток. Я слышал переключку друзей и сопение Сикорки, который пытался вырвать из земли молодое дерево. Когда я вернулся, из кучки хвороста уже шел дым, а Блекота лежал на траве и раздувал костер.

Я уселся на бревне. На дне карьера поместился бы весь рынок Рыкусмыку вместе с прилегающими улочками. Говорили, что в полусотне метров под нами, на дне, до сих пор ржавеют машины, что побросали рабочие в ужасе от давней катастрофы. От соседнего костра долетали голоса девушек. Я был рад, что там не сидит Вильчур со своими братками.

Вскоре Блекота добился успеха. Мы подбросили веток, огонь выстрелил высоко и весело. Исчезли другие костры, звезды и карьер, остались лишь мы, прикрытые куполом света.

13

– Ну, что вам рассказать-то? Что тут вообще рассказывать? Мне, что ли, хрен себе узлом завязать или сразу застрелиться, а чего? Могу советы давать, как себе проще всего жизнь изгадить. Возвращаюсь это я, дубина конченная, из Кракова поездом и вижу, как Ника садится в купе, Ника тоже возвращается. Ну, мы заговариваем, в Катовицах заходит мужик с пивом, я покупаю, пиво теплое, противное. С первой упаковки она мне рассказывает про своего парня, со второй я уже вижу, что может мне и обломится, слышу от нее, что, мол, как хорошо, что будем вместе в одном месте и все такое, под конец выходим и бежим на автобус. Я уже чуть пьян, садимся рядом, темно, ни одной знакомой рожи. И только поехали, как Ника мне голову на плечо, руку на бедро, колено на колено, и ничего мне и делать не пришлось, хоть я, может, и хотел. И отцепилась от меня только в Рыку. У меня родители, я ее уговариваю заскочить к Дыню, в бар, подумать, что дальше, мне так-то не хотелось верить, что дела покатились именно так, а она на это сразу, что и речи быть не может, потому что Вильчур, что там наливает, не умеет держать язык за зубами. Я ей сказал, что другого о нем мнения, а она давай ржать и говорит, что именно от него знает про ту историю с «трабантом». Ну что ж, думаю себе, Вильчур ее точно порол, нет другого выхода. Ну, мы и очутились у замка. Ну, я не буду врать, что в самом замке, но там за деревом площадка, за площадкой стеночка, ну и мы за этой стеночкой, знаете, пока уж не стало рассветать. Сказала, что надо возвращаться, пока мать не встала, а то как встанет, так сразу догадается. Ну а что еще можно делать в Рыку в четвертом часу ночи, только паяться. И представляете себе, я об этой всей истории забыл. Ну, может, не совсем. Пару раз пересеклись с ней – привет-привет, и ничего больше. Вроде как бортанула этого своего маппета, ну я подумал, что рубит хвосты перед Краковом, где в конце концов хрены что драконы, верите ли. Извините. Я правда не могу. Ну ладно, в конце концов, ничего особенного, мир будет вращаться и дальше. Во всяком случае, вчера звонит она мне, дескать надо поговорить, я лью себя надеждой на повторение того праздника, а телка приходит с улыбкой шире ушей. И говорит: «А ты знаешь, нас будет трое!» Я даже не сразу понял, что она имеет в виду. Так легко, как что-то очевидное. Не спрашивайте, как я себя чувствовал. Думаю, какими ужасными могут быть слова. И самое плохое было даже не «трое», а это несчастное «нас».

14

У нас с собой была картошка, но пока никто не успел проголодаться. Мы сгрудились вокруг DJ Кривды, я подбросил дров, и огонь раскрыл красные ладони перед его мокрым лицом. Ему все время надо было что-то держать в руках, банку, палочку, горсть травы. Он переводил взгляд, ища спасения. Никто из нас не мог ему помочь, никто из нас об этом не знал. Сикорка сказал:

– Давайте скажем прямо. Барышня на тебя запала. Видал того дебила, с которым она гуляла раньше? Хапнула тебя – и порядок. Но еще можно отбиться. Надо узнать, твой ли это ребенок. Как знать, может, она совсем дура?

– Не знаю. Говорила как обычная девушка.

– Вот увидишь, так и будет. Телка к тебе приклеится, совете гнездышко, а она так тихонько устроит выкидыш и все вернется в норму. И вообще, говорю тебе, может быть, ребенок того парня, а не твой?

– Как это не мой? Иисусе...

– Кстати, говоря об Иисусе, может, она того, избавится? Выходы найти можно, деньгами скинемся. В одной Польше с этим трудности. В Лондоне матери дочкам аборт покупают на восемнадцатый день рождения, а у нас тут три года за факт склонения. Это чтоб ты знал. Не шучу.

Я пытался вклиниться, но думал о себе. Я никогда не хотел иметь детей, но завидовал DJ Кривде – сделал с Никой то, чего я не смог. Хорошая она девушка-то. Рассказала ли ему о моей неудаче? Если останутся вместе, то рано или поздно расскажет.

– Я рос без отца, и было не так уж плохо. – Пришла моя очередь давать советы. – Плати честно, но не женись, если Ника тебе не подходит. Ты нормальный парень. Тетка тебе поможет, да и ребенок не так уж дорого обходится. Сначала, конечно, будет говно, Ника встанет на уши, чтоб тебя удержать. Но и мы в свою очередь встанем за тебя стеной. И твоя тетка из Кракова тоже. И ни у кого не будет права назвать тебя подлецом, и ты не смей о себе так думать.

Девичий смех от соседнего костра становился все громче. Трудно было не узнать в нем призыв. Слышался стук стекла о камни. DJ Кривда поглядывал туда, как на дом, вход в который ему заказан. У Блекоты светились глаза.

– Дети важнее всего, – сказал он. – Мы должны уважать наших родителей и воспитывать собственных детей так, чтобы они нас уважали.

– Сиськи у тебя режутся, что ли, – отозвался DJ Кривда, но слушал дальше.

– Возьми ребенка себе. Ты умный парень. Иначе Ника отдаст его дедам или еще кому-то, найдет какого-нибудь утырка, сварганит с ним еще одного ребенка, а на твоего ребенка забьет. Ника на такое пойдет. Она ведь хочет закончить институт.

– Так и я хочу.

– И закончишь. Тетка им займется. От матери-одиночки все хотят избавиться. А отцу-одиночке каждый звездочку с неба достанет. Преподаватели пойдут навстречу. Работу получишь получше, а работать придется поменьше. И знаешь, что еще? Телки обожают таких папаш. У тебя впереди лет десять потрахушек точно. Отвечаю. Дети самое главное.

– Да тебе-то откуда такое знать? – вступил молчащий до сих пор Тромбек, и Блекота понурил голову. Тромбек сидел неподвижно, опустив ладони между колен, и смотрел в огонь. – Вы все неправильно рассуждаете об этом. DJ Кривда сделает то, что ему судьба подсунет. То, что ему велят. Вот так оно все на самом деле. Так что я бы вообще этим себе голову не морочил. Важно, чтоб ты понял, что это не конец света. Через двадцать лет ребенок вырастет, а ты все еще будешь молодым, и ничего от тебя не уйдет. А теперь задумайся хорошенько, что для тебя важно, что радует и что ты хочешь спасти. Ответственность – это одно. Ты должен быть ответственным. Но второе – это сохранить себя, потому что важны все. Ты, она, ребенок. Никто не важнее других. Так что говорю тебе, спаси себя.

Его равнодушный голос звучал так, словно говорил кто-то много старший. Тромбек, похоже, был сам поражен своими словами, не ожидал, что может такое сказать. Вдали зазвучал плеск. Одна из девушек прыгнула в воду, расплескивая отражение костров. Вынырнула, от нее пошли волны. Волосы растекались по черной поверхности. Позвала подруг за собой.

15

Блекота рвался искупаться, но ни у кого, кроме него, не было желания. Он разделся, открыв татуировку на худом плече. Два дракона переплетались между собой, черный смыкал клыки на белом, а белый – на черном. Попросил подождать его, сложил ладони над головой и прыгнул с громким плеском. Крикнул, что вода отличная и мы дураки, что сидим на берегу. DJ Кривда буркнул, что он пьян и может утонуть, от контраста тепла и холода остановится сердце. Уткнулся подбородком в колени и повторял: «Может, так и лучше, может, так и лучше».

Я вытащил толстый короткий сук, разворотил угли и уложил картошку. Картофелины показались мне яйцами в гнезде саламандры. Старательно засыпал их обратно, добавил дров. Тромбек подсел к DJ Кривде, и они шептались о чем-то, чего я не мог услышать. Думаю, жаловались друг другу на то, как тяжела жизнь, и наверняка считали себя старше, чем на самом деле были. И были правы, ибо нет никого старше восемнадцатилетнего парня, который избил собственного отца или только что сделал ребенка.

Блекота сделал пару кругов, собрался с духом и двинулся в сторону девушки. Плыл баттерфляем, высоко взметывая воду. Как назло, девушка, казалось, ничего не замечала, но, когда наконец посмотрела в его сторону, не выказала удивления. Все так же качалась на воде и кричала подругам что-то, а Блекота двинулся вокруг нее, сменив стиль: повернулся на спину, так что грудная клетка его, худая и мокрая, заблестела под слепой луной.

– О, тащатся к нам, – сказал Сикорка из-за костра.

Так и было, хотя и не совсем точно: одна из девушек отделилась от остальных, чтобы исчезнуть вне круга света. Мы слышали, как она продирается сквозь кусты и ломает ветки. Она шла над самым обрывом, и Тромбек начал задумываться, не выйти ли ей навстречу. Я ответил, что так мы ее только испугаем, и глянул, как дела у Блекоты. Тот прекратил свой брачный танец. Висели с девушкой в воде друг напротив друга, разговаривали. Одновременно поплыли в сторону берега, остановившись в воде у известняковой ступеньки. С длинными распущенными волосами, они напоминали подводные создания, радующиеся последнему теплему дню; скоро осень загонит эту пару обратно в глубину.

Вторая девушка сошла с тропинки над обрывом и встала, освещенная, близ нас. Это была Ника. Явно ожидала застать тут кого-то другого. Я сразу увидел, что DJ Кривда говорил правду. Ника тоже поняла, что мы уже знаем. DJ Кривда выглядел так, словно увидел привидение. Он попробовал встать, но не удержался на ногах и рухнул задницей обратно на траву. Ника просто исчезла. Только что стояла с нами, и через мгновение ее уже не было. Мы услышали тихий плач, сразу оборвавшийся. DJ Кривда попытался пойти за ней, но тут же вернулся и достал очередную банку пива.

Блекота, вцепившийся в скалу, еще сильнее напоминал гнома. Рухнул в воду, поджимая ноги. Девушка последовала его примеру. Они смеялись. Она закинула руки ему на шею. Ника вернулась к своим, бросила в огонь пару щепок, встала на берегу и начала что-то кричать. Не знаю, что это было, но девушка в воде оттолкнула Блекоту и оставила его одного, возвращаясь на берег.

16

Я думал, Блекота дрожит от холода. Он вытерся майкой, надел рубашку, но продолжал дрожать. Глотал слезы. DJ Кривда сидел, повесив голову. Блекота выдавил:

– Что со мной не так? Руки-ноги разве не на месте? Или с мордой чего не в порядке? Или что вообще не так? Ведь любой дурак из ПТУ может, вы все можете, и только я вообще

никак не могу. Вы и представления не имеете, насколько это трудно. Иногда я думаю уже, что не выдержу. А потом как-то выдерживаю, до следующего раза. Я бы даже с тобой поменялся бы, – указал на безучастного ко всему DJ Кривду. – Сейчас, вот прямо сию секунду. Я ведь никогда еще... Курва, я сам не верю, что говорю это. Вот просто никогда. И этим чертовым летом я хотел все же пройти это. Дело-то ведь не просто в чпок-чпок и тык-тык, чтоб хоть как-то быть вдвоем, разве нет? Я бы такой всё, слышите? Весь мир бы мне заменила. Дело же в этом, а в чем еще-то? В чем? Вы меня вообще слушаете? Тут опять что-то случилось?

Не дождался ответа. Смолк, закрыв лицо руками. Вскоре его, видимо, отпустило. Девушки оставили дымящийся очаг и пошли вокруг карьера, длинной дорогой. Звезда зажигалась от звезды, а ветки помалу превращались в столбики пульсирующего жара, над которым дым сплетался в черную косу.

В красноватом круге появился Тромбек, разгреб кострище и палкой выкатил картофелины под камни. Потом переложил их на кусок фольги, разрезал каждую и начал подавать их нам на раскрытой ладони, словно перестал ощущать их нестерпимый жар. Смотрел, как мы жадно ели их, молча вгрызаясь в опаленную шкурку, пока наши щеки не почернели от угольных улыбок.

17

Тромбек не хотел уже больше вести машину; за руль сел Блекота и привез нас обратно в Рыкусмыку. Мы припарковались под огромным каштаном, близ кузнечных мастерских и подальше от любопытных взглядов. Надо было идти, однако разгорелся спор – куда. Сикорка предложил вернуться ко мне, но Тромбек с DJ Кривдой уперлись, чтоб зайти выпить по одной у Дызя. Я удивился и спросил, а что будет, если в бар заглянет Кроньчак. Тромбек сказал, что ему наплевать и, может быть, он там вообще до утра останется.

Мы пошли по Тополиной в сторону заправки, там нас остановила богачка Владислава. Выскочила из серебристого «Рено Меган» и спросила, не видели ли мы где-нибудь Теклу, потому что, мол, ищет ее уже десятый час. Внимательно приглядывалась к нам из-под меховой шапки. Я ответил, что да, видели ее на рынке, но около полудня, а Сикорка бросил, что с Теклой нам никогда не было по пути.

– И на том спасибо, – отрезала богачка Владислава, завела машину и медленно удалилась в глубь Рыкусмыку. Тромбек рявкнул на Сикорку, чтоб тот держал язык за зубами. Сикорка огрызнулся, что всего лишь сказал правду, а место Теклы в смиренной рубашке. Иначе что-нибудь с собой сделает.

Над Рыкусмыку воцарилась тишина. Окна домов были темны. Я заметил две маленькие ладони, тянущие шнурок с посылкой между зарешеченными рамами исправительного дома. Из подворотен на Старомейской доносились шумы и шелест. Мы прошли под Пястовской башней и оказались на рынке, где под арками кто-то долбал банкомат, недавно прибитый к стене. Около городского театра на лавке под фонарем сидел Габлочяж и рассматривал разбитое колено.

Под арками тянулись покинутые магазинчики, ожидающие новых хозяев. Двое мужчин покорно сидели перед решеткой винно-водочного. Я спотыкался о торчащие плиты тротуара. Из мусорного бака несло гарью. Мы повернули, и нас залил мягкий свет улицы Храброго, на которой размещалась забегаловка, настолько сизая от дыма, что казалось, там что-то горит. В открытых подворотнях собирались тени, маленький мальчик с трудом догонял банду подростков. Из открытых дверей круглосуточного магазина свет падал на брусчатку.

И над всем этим вздымался замок, вырезанный из темноты. И казалось, именно он, а не что-то иное воплощает собой последнюю ночь лета.

18

У Дызя было пусто, не считая Вильчура, тянущего сигарету за барной стойкой. Я спросил, можем ли мы тут передохнуть, а он жестом пригласил нас войти. Очки добавляли ему мягкости, татуировки и шрамы на предплечьях ее уменьшали. Мы сели. Все заказали по пиву, только я колу. Пахло старым маслом и хотелось домой.

Мы долго сидели в молчании. Сикорка свесился на подлокотник и презрительно поглядывал на пустые столы и портрет Святого Отца, висевший над баром. Пробормотал, что стройка в Варшаве уже не кажется ему такой страшной, как раньше. И снова повисла тишина. Вильчуру надоело крутиться в подсобке, он подсел к нам и спросил, может ли чем-то помочь.

– Кроньчак тебя разыскивает, – обратился он к Тромбеку. – Тут все разговоры были только о тебе. Мое мнение – ты был прав, давно пора было это сделать. И надеюсь, что Кроньчак тоже так считает. Не сдавайся, парень.

– И не собирался.

– Поверь, все обойдется. Если получишь санкции, пусть кто-то из вас валит ко мне как в дым, есть связи, никто тебя не тронет в оранжерее. Мой поэт не из таких проблем людей вытаскивал.

– Ты о чем вообще?

– Ну, я так, просто говорю, на всякий случай. До суда сидеть паршиво, после приговора уже нормально.

Вильчур замолк. Мы сидели вшестером за одним столом. Я ждал, пока все допьют, по радио играли Varius Manx. Вильчур спокойно сказал:

– Я тоже отсюда двину. Только дураки остаются в Рыкусмыку. Бабло лежит под ногами, но эта дыра мала для меня. Вот увидите. Через десять лет будем пить виски в Нью-Йорке или еще где. Вы как, поступили? – По нашему молчанию понял ответ. – Если да, то подумайте еще раз. Нынче каждый дурак учится, а кто поумнее, тот устраивается иначе. Не то что я себя незнаю за кого считаю, но мы с вами знакомы все ж, так что скажу вам. Оно того просто не стоит. Надо ловить жизнь.

Сикорка ответил:

– Знаю таких. Сегодня ловят жизнь, завтра гроши на паперти.

– Что щас сказал?

– Правду, а что? Ты свою, а я свою.

– Ладно. Пусть будет так.

Мы все понимали, к чему дело идет, и начали успокаивать Сикорку, но напрасно. Он сидел прямо, готовый вскочить, и напрягал мышцы, накачанные в спортзале. Сказал, что рад, что уезжает, потому что не будет больше встречать таких умников, как Вильчур, а если даже и вернется, то хорошо, что больше они не встретятся. Прошипел:

– Рыкусмыку говно. А ты и есть Рыкусмыку.

Вильчур встал и попросил нас забрать друга и выйти. Добавил, что к остальным у него претензий нет. Я оставил колу на столике, и мы вывели Сикорку. Я закрыл за собой дверь. Ночь принесла холод. Сикорка остановился на середине ступенек, что вели в бар, и обоссал ступени, откидывая голову назад. Даже закончить не успел, как Вильчур схватил его за вихры и поволок в глубь бара. Сикорка дергался, но не мог даже застегнуть штаны. Мы стояли, не зная, что делать.

Так ничего и не успели решить, а Сикорка уже вылетел из бара как из пушки, сжимая в руках пластиковую швабру. Вильчур стал на пороге, скрестив руки на груди. Ждал, пока Сикорка уберет за собой, а во взгляде его не было враждебности. Сказал:

– Просто заберите его.

19

Мы усадили Сикорку на автобусной остановке; он метался и обещал вернуться и убить. Потом начал плакать. Я спросил у него, зачем вообще это ему. Сказал, что не знает, и попросил нас не искать двойного дна. Он всегда хотел это сделать и однажды точно сделает. Я поверил ему. Тромбек кружил у остановки. Перед нами тянулась пустая рыночная площадь, за которой, напоминая неровные ступени в самое небо, вздымались крыши домов. Рядом, в будке охранника перед замком, зажегся экран телевизора. Тромбек нацелился пальцем в Сикорку:

– Однажды ты втравишь нас в настоящее говно.

– Правда? А я думал, что как раз тебя уже в большее не получится, – ответил Сикорка и встал. Они сцепились, треснуло стекло остановки.

Тромбек – кулак которого как-то все не мог найти дорогу к лицу или животу Сикорки – шипел, что прекрасно его понимает, потому что тоже всегда хотел сделать именно то, что сейчас делает. Убьет его именно сегодня, потому что и так терять нечего. Мы растаскивали их, словно челюсти бешеного зверя. Через минуту Сикорка поднимался с земли, а Тромбек рвался к нему, раздуваясь от ярости. Мы втроем кое-как удерживали его.

Сикорка встал. Старательно отряхнул брюки и осмотрел разорванную рубашку.

– Если ты такой крутой, то пойдем со мной, – сказал он и направился в сторону ограждения, закрывающего доступ к замку. Мокрый Тромбек выскользнул у меня из рук, как огромная рыбина. Присоединился к Сикорке.

Мы двинулись за ними молча.

20

Я спросил у DJ Кривды, каким образом он с Никой добрался до замка. Он мрачно ответил, что тогда тут ничего еще не стояло. Зато теперь ограда была высокой и с короной колючей проволоки сверху. Давно мы тут не бывали. Я нашел место, не видимое ни с площади, ни со стороны реки, запрыгнул Тромбеку на плечи, обмотал колючую проволоку рубашкой и попробовал приподнять. Щель получалась слишком узкой, ну и кому-то из нас пришлось бы остаться внизу.

Бар «У Дызя» непосредственно прилегал к стене замка, но перепрыгнуть было невозможно, окно находилось слишком высоко. Тромбек сказал Сикорке, что если б тот не набедокурил, то мы вошли бы в подземелья через подсобку. Потом отправился по Храброго вверх, чтобы проверить дворы. Мы задумались, не знает ли кто из нас охранника и нет ли способа его уговорить. Тромбек вернулся с пустыми руками и позвал нас обратно на торговую площадь.

Нам пришлось немного подождать, потому что на площади появилась женщина в платье и с туфель в руке. Я не мог определить, сколько ей лет, потому что в нашем возрасте все настоящие женщины казались старыми. Она рыдала и в ужасе оглядывалась. Сумочка вываливалась из ее рук, а по внутренней стороне бедер стекала струйка крови. Посмотрела на замок, заторопилась и вскоре пропала из глаз. Сикорка сказал, что так должен выглядеть герб Рыкусмыку: помятая баба с туфель в руке.

Сторожкой служила будка из гофролиста, с единственным окном, обращенным в сторону Рыкусмыку, и дверями, как мы догадывались, выходящими на замок. DJ Кривда минуту приглядывался к сооружению и прикинул, что должно получиться. Сказал, что нам нужно просто отойти от него подальше и обождать. Спросил, нет ли у кого перочинного ножа; Блекота дал ему свой и хладнокровно заметил, что DJ Кривда едва держится на ногах. Тот пожал плечами, подошел к ограде и начал красться в сторону сторожки. Мы спрятались за грузовичком. Голова сторожа, хорошо видимая в окошко, качалась перед телевизором.

Я впустую высматривал DJ Кривду. Тромбек сказал, что этот дуралей наверняка попер напрямую и быстро не вернется. Телевизор погас. Через минуту сторож появился на площади и двинулся в ту же сторону, где исчез DJ Кривда. Мы проскользнули за его спиной мимо сторожки и запрыгнули на камни, скрывшись меж деревьев. Я мог уже буквально дотронуться до стены замка.

Из-за ограды выскочил DJ Кривда и потрусил в нашу сторону. Ноги у него заплетались, и вскоре он рухнул на гравий. Неуклюже поднялся, а из-за ограды показался запыхавшийся сторож. Собственно, лишь силуэт на фоне уличного освещения. DJ Кривда был прямо перед ним в круге света, но казалось, сторож его не видит. Смотрел на деревья и тенты. Покачал головой, словно бы стал свидетелем чуда, смысла которого не мог понять. Открыл дверь сторожки и вошел в снежную метель Полсата⁸.

21

Дерево сильно выросло и окрепло; ветка толщиной с бедро, казалось, вращалась в стену под окном. Тромбек изучил наросты на стволе и заверил, что взберемся без проблем. Рыку-смыку с высоты превратился в лабиринт темных отесанных скал, разделенных каньонами оранжевого света.

– Я бы хотел, чтоб это все закончилось, – сказал Тромбек. – Вот просто. С меня хватит.

– Пусть они пропадут. Не знаю как, но, в конце концов, я не обязан ломать над этим голову. Ника и это ее отродье. Пусть их не будет, – дышал DJ Кривда. – Ну, то есть я не желаю ей зла, пусть у нее кто-нибудь будет, пусть будет счастлива. Не хочу видеть ее рядом только потому...

Его прервал смех. Сикорка поверить не мог, что в самом деле это слышит, что DJ Кривда говорит так. Тромбек поторопил его, была его очередь загадывать желание. Сикорка заявил, что это идиотизм, потому что там внизу ничего нет, но в конце концов сказал:

– Бабки, годится? Бабки тебя устраивают? Тогда мне воз бабла.

– Только любовь, – шепнул стыдливо Блекота. Тромбек приобнял его и сказал, что это прекрасное желание. Подошла моя очередь.

Я не знал, что я должен сделать. Скрежет разрывал мне голову и вбивал желудок в горло. Я собирался пробормотать, что ничего не хочу, но мне никто бы не поверил, и они поняли бы, что я лгу, ибо лжи этой ночью не было места.

– Я бы хотел перестать слышать, – просто сказал я. – Давайте не тянуть уже.

Мы пожали друг другу руки. Тромбек первым встал на ветку. Общими усилиями мы втащили DJ Кривду, а я протолкнул его через окно в холод замка и прыгнул за ним.

Стекло захрустело под каблуком, прозвучал крик, и мне на лицо упала мокрая рука.

22

Это была Безумная Текла с обгрызенными до крови ногтями. Она съежилась под окном в длинной рубаше и дешевых «Адидасах». Встала. Сикорка уклонился от ее ладони. Остальные позволили погладить себя по лицу. Со мной задержалась, словно нащупала что-то под кожей. Я сказал, что ее ищет мать. Мы углубились в коридор под причитания Безумной Теклы:

– Нет! Нет!

На фоне окна она напоминала тряпку, что треплет ветер. Я держался сзади. Друзья несли огоньки зажигалок, у меня своей не было. Я поверить не мог, что мы это делаем. Напряже-

⁸ Polsat News – польский информационный телеканал, первый новостной телеканал группы Polsat, вещающий с 7 июня 2008 года.

ние, знакомое по прошлым попыткам, исчезло. Я искал ответа в шероховатой стене. Изучал щебенку, гладил камни. Находил части чего-то большего. Отбрасывал окурки и считал шаги. На шестьдесят седьмом Тромбек опустился на колено, минуту искал что-то на земле, но ничего не нашел. Становилось все холоднее. Безумная Текла прыгнула мне на спину, сбила с ног и прижала коленями к полу. Схватила меня за виски и все твердила свое «нет, нет, нет». Ее скрежет напомнил мне мой собственный.

Друзья дергали ее за плечи, но были слабы, а она сильна. Вдруг она обмякла.

– Они – да, ты – нет. Не ходи, прошу, прошу. – Водила мне по щеке сломанным ногтем. Целовала в губы и подбородок. Показалась другой, более человечной.

Сикорка и Тромбек отбросили ее далеко, в темноту и плач. Я встал и сказал, что ей стоит позаботиться о себе, а не обо мне. Слышал, как она отползает. Я двинулся в глубь туннеля и сразу забыл о Безумной Текле. Скрежет, мой неразлучный попутчик, друг, враг и отсутствующий отец, исчезал с каждым шагом. Мне хотелось бежать. Хотелось танцевать, хоть я и не знал, что такое танец.

23

Коридор кончался стенкой. В щелях между кирпичами торчали восковые огарки с короткими черными фитилями. Мы зажгли несколько. Стена была просто стеной и означала конец нашего путешествия.

DJ Кривда чуть отошел, изучал стену, нажимал те кирпичи, которые казались ему отличающимися от остальных. Не мог поверить. Сел и заломил руки. Сикорка заявил, что заранее знал, что так будет. На вопрос, был ли он тут раньше, ответил, что не идиот. А чего мы ожидали? Блекота хотел возвращаться, Тромбек ходил по кругу. Время шло. Я наслаждался молчанием и представлял себе, что останусь здесь.

DJ Кривда поднял с пола кусочек воска. Посветил. Всюду лежали обломки свеч. Тогда он подошел к стене и еще раз присмотрелся к кирпичам. Вынул первый попавшийся огарок, вложил пальцы в образовавшуюся щель. Занялся следующим. На вопросы, что он делает, не отвечал, а лишь поднял огонек над головой. Огонек тут же погас, но этого хватило.

DJ Кривда влез на плечи Тромбеку. Зажигалка высветила дыру под потолком, высотой с метр, довольно узкую. DJ Кривда оставил зажженную свечку у ее устья, спрыгнул и начал нас уверять, что чувствовал с той стороны дуновение воздуха. Добавил, что коридор длинный, но чем-то все же должен кончаться.

Никто не слушал протестов Блекоты. Мы вытащили остальные свечки и нашли места, где можно зацепиться пальцами. DJ Кривда пошел первым. Я увидел, как его ноги исчезают в кирпичной пасти. Крикнул, что все в порядке и что он вроде бы видит конец туннеля. Мы двинулись за ним.

По бокам были навалены обломки кирпича, между которых торчали рукава курток, носки ботинок и уголок сотового телефона. Середина тропы была гладкой и чистой. Я быстро начал задыхаться, а когда мы остановились, врезался в Блекоту. Услышал DJ Кривду, его полный удивления вздох, а потом тишину.

24

С другой стороны побитая стена выглядела так, словно на нее пытался въехать танк. Кто-то явно штурмовал этот заслон, напрасно пытаясь пробиться наружу. Сикорка сказал, что дело давнее и наверняка использовали таран. Ржавые отметки виднелись на кирпичах.

Становилось все холодней, зажигалки давали все меньше света. Мы добрались до развилки, потом еще до одной. Поворачивали как попало, к теплу, к холоду, к кающемуся движению воздуха.

Что-то хрустнуло под ногой Тромбека и заставило его нагнуться. Мы сгрудились над скелетом ребенка, в обрывках светлой рубашки и коротких штанишек. Маленькие ножки все еще были в сандаликах. Рядом лежали электронные часы. DJ Кривда взмолился, чтоб мы возвращались, но уже никто не знал, как это сделать. Шли словно сквозь сон. Свернули в очередной закоулок. Тел там было больше.

Мы видели их на какой-то момент в свете зажигалок – молодые и старые, с потемневшей кожей, облегающей черепа, и с вытянутыми перед собой руками, словно мертвые в последний миг старались отбросить их как можно дальше от тел. Мужчины в мундирах, остатках костюмов и свитеров. Женщины в расстегнутых блузках, обнажающих кратеры на месте груди.

Окружающий нас запах не позволял дышать. Тромбек погасил зажигалку. Остальные последовали его примеру, и мы осторожно пошли дальше, оставляя мертвых позади.

25

Сикорка бил кулаками в беленые стены и кричал. Мы ежеминутно останавливались и в свете зажигалок присматривались к собственным перепуганным лицам. На стенах виднелись осьминоги, утки, зебры и дельфины, нарисованные давным-давно. То и дело мы попадали в неглубокие ямы, пахнущие вином.

Безуспешно пытались оценить направление по пламени зажигалки. DJ Кривда какое-то время пробовал поворачивать только направо, потом бросил. Мы шли вслепую, отдыхая на развилках, где можно было сесть кружком. Я забыл обо всем, что случилось этой ночью. Мои друзья были взволнованы и испуганы, шептались, что уже никогда не выйдем на свет.

Я наслаждался тишиной. До сих пор я и не знал, что тишина существует.

Лег и хотел заснуть. Меня подняли. Тромбек услышал в коридоре топот. Сказал, что надо идти на этот звук. Никто не спросил почему. Я шел в центре, за мной Блекота волочил ноги и шептал, что не хочет еще умирать.

Звук вскоре стих, и мы оказались в тишине. Зажигалки догорали. Мое тело было грязным изнутри, словно все яды вошли под кожу. Коридоры становились все короче, развилки все чаще, я терся головой о потолок. Стало тепло и душно. Неожиданно Тромбек бросился бежать. Мы помчались за ним, стучаясь о стены. Я думал, что он сошел с ума.

Мы кричали ему, чтоб он бежал помедленнее. Он не отвечал.

И вдруг мы увидели его массивный силуэт на фоне лунного света.

26

Нож, свисающий с потолка, отсекал свет от тьмы. Через световое окно вливался слабеющий блеск луны. На стенах проказничали грифоны, у них были кошачьи тела и грозные птичьи головы. Углы помещения тонули во мраке. Кровь забронзовела на песке, а пол пульсировал оглушающим грохотом барабанов.

Мы выглядели как мертвецы, поднятые из могил в день суда. Пыль побелила черную одежду Блекоты, а его длинные волосы скрутились в запыленные космы. Сикорка разевал рот на покрасневшем лице, словно только что выплюнул жирный кус. Пот блестел на DJ Кривде. Тромбек стоял, широко расставив ноги. Из-под мокрой рубахи вываливался белый живот.

Если мы еще и не были мертвы, то – я был уверен – умрем через мгновение. Рухнем мертвыми в песок, все в один миг, как и положено настоящим друзьям. Но мы начали танцевать.

27

Мы танцевали под луной, окруженные огнем. Я не видел себя. Мои ноги ступали сами, и я даже не догадывался, что они способны на такое. Мощно и уверенно, словно утаптывая землю перед каким-то важным событием. Барабаны кружились у меня в животе, бежали вверх, заставляя голову дрожать.

Я видел лишь их тени. Сикорку танец разделил – его мощный торс колыхался мягко, в такт, руки извивались, словно лишенные костей, пальцы взмывали высоко, к световому окну, хватали месяц, его серебро – богатство, которое было ему так нужно. Но его ноги долбили в одно место, сильно и яростно. И кто попал бы под них, был бы растоптан. Я готов был поклониться, что Сикорка смеется.

DJ Кривда танцевал, словно конькобежец на слишком маленьком катке. Балансировал бедрами и бил в ладоши, то и дело отирая пот со лба. Ноги поднимал высоко и медленно, опускал резко. Отталкивался от земли. Наклонялся за песком и бросал его как можно дальше от себя, словно тот обжигал ему ладони. Наконец обхватил руками голову и начал раскачиваться.

Тромбек крутил пируэты, вздымая песок, что превращался в покрасневший от огня вихрь. Раскинул руки. Я чувствовал ветер, что он поднимал. Казалось, он взлетит к окну или даже еще выше, но Тромбек лишь потерял очертания. Стал безголовой лентой с черным выцветающим пятном на месте живота. Он единственный из нас смог издать какой-то звук, что-то среднее между стоном и восхищенным выкриком.

Блекота делал мелкие шаги и прижимал к груди невидимый силуэт. Ласкал его и гладил, начал бороться с ним, выпустил и схватил вновь. В этом и состоял его танец – он подбрасывал невидимую фигуру, притягивал ее и отталкивал. В какой-то момент сбавил темп, его плечи напряглись, и лишь ступни продолжали разбрасывать песок. Поворачивал голову ко мне и остальным, словно желая спросить, хорошо ли танцует и таким ли должен быть танец.

Из живота, сердца и головы у меня выходили темные тени, как и у остальных. Я тщетно пытался их разогнать – они отбегали в углы помещения, но тут же возвращались. Да и ладно, подумал я, пусть будут, они мне не мешают. Хорошо танцевать здесь, в подземельях. Это стоит того. За каждую бессонную ночь и поломанный день. За ледяные месяцы, что разогревал лишь гнев. За дороги, полные сожженных домов, и зарево на горизонте. За изломанное тело и его гнев калеки. За неоконченные дела. За женщин с голодными лонами и мое собственное иссыхание. За рассвет, что встречаешь на кухне. За Рыкусмыку. За руку, что не слушает головы. За темные улицы, дышащие ужасом и злом. За девушек, что всегда уйдут к другому. За унылых баб, что всегда остаются. За бешенство и Бешенство. За дыру на месте отца, которую не заделать.

За ребенка, умершего в случайной матке. За любовь. За деньги. За то, чтоб уже настал конец. За тишину, чтоб продолжалась.

28

Я смотрел на себя в танце, как на кого-то незнакомого. Из живота, паха и головы текли черные нити, искали друг друга на песке, словно слепые котята. Собравшись в темную тучу, двигались к каменным лавкам, чтоб там сгуститься и слиться воедино. Другие тоже видели их. Блекота поднимал ноги еще выше, чтоб не наступить на них.

Я чувствовал облегчение. Становился легким. Подвешенное лезвие начало блестеть, а барабаны ударили еще громче.

29

Бык, огромный, с обломанными рогами, торчащими из мокрого лба, стоял между нами. Огонь тлел в окутанных паром ноздрях, мускулистое тело несло следы многих ран. На месте передних копыт в песок врезались огромные ладони. По хребту бежала полоса лысой красноватой кожи.

Разлепил веки и обвел нас холодным взглядом. Качнул телом в знак того, что готов. Переступал с кулака на кулак. Не мог поднять головы слишком высоко.

Мы не переставали танцевать. Барабаны слали удары горячего воздуха, и на мгновение я был уверен, что это я прыгну. На самом деле. Другим было еще что терять. Кулак чудовища ритмично бил в песок. Оно сопело. На подгибающихся ногах я двинулся к нему, но нашелся кто-то, кого ночь сломала больше, чем меня.

30

Тромбек попрощался кивком головы с каждым из нас по отдельности. В выражении его лица было что-то извиняющееся. Он ничего не сказал, но все знали, что он действительно этого желает.

Переваливаясь с ноги на ногу, он вышел и встал напротив быка. Его мощный силуэт словно уменьшился перед чужой мощью. Казался хрупким; бестия присмотрелась к нему внимательно, сделала шаг назад, уступая территорию. Капля темной слюны с шипением упала на песок. Тромбек пожал плечами, словно ему уже было все равно. В последний раз взглянул на нашу четверку. Усмехнулся. Снял рубашку, наклонил туловище и бросился вперед.

Оттолкнулся и попробовал схватиться за рога, как за поручни, но бык махнул головой, и Тромбек рухнул с распоротым животом. Жил еще минуту. Отползал на локтях. Бык прижал его к земле и погрузил свой горячий нос в его внутренности. Барабаны смолкли, а мы побежали коридором вперед, вслепую.

Может быть, все случилось именно так.

31

Оранжевый автомобиль подъехал со стороны Легницы и начал взбираться в направлении рынка. Местные, в куртках и шапках, грузились в утренний автобус, а серые струи тумана медленно поднимались между домов. На площадь въезжали грузовички доставки, торговцы выкладывали товары на прилавок. Мы остановились на мосту. Я свесил ладони над сонным течением Бжанки. Рыкусмыку пах сигаретами и дешевым стиральным порошком.

Не могу сказать, кто заговорил первым. Голова у меня начала сжиматься и хотелось уже поскорее оставить за спиной этот разговор. Так что мы договорились. Четверо чумазных парней, перегнувшихся через перила моста над речкой в Рыкусмыку.

Все, кроме меня, уедут, чтобы никогда уже не вернуться. Останутся глухи к призывам семьи, не приедут на праздники, крестины, похороны. Я останусь, потому что одному можно.

Мы никогда больше не увидимся. Не будем друг другу звонить, писать, и ни один не вправе встречаться с другими. У каждого будет свой город, и пусть держится за него, если сможет.

Мы вытанцевали свои жизни, и только глупец не использовал бы этого. Иначе смерть Тромбека будет напрасной.

Никогда никому мы не расскажем, что случилось в подземельях.

Никто не узнает, почему на самом деле не вернулся Тромбек.

Мы расстались без слов и рукопожатий. С Блекотой я прошел еще немного. В какой-то момент он сел прямо на тротуар и заплакал. Я помог ему встать и утешил его, хоть у меня и были свои проблемы. Скрежет, несмотря на желание, вернулся. Я провожал взглядом Блекоту, плетущегося в свою крохотную квартирку, и думал, что же я сделал не так.

И со злостью осознал, что желания требуют времени.

32

Под Пястовской башней ждала Безумная Текла. Я позволил взять себя за руки и сел рядом с ней. Внезапно она показалась мне самым нормальным человеком в Рыкусмыку. В ее руке появилась пластиковая бутылка. Она долго и старательно вытирала мне лицо мокрым рукавом. Посмотрела мне в глаза и сказала:

– Я тоже это слышу, Шимек.

Глава третья

1

НОГА МОЕЙ ЖЕНЫ заплясала в начале лета 2012 года, когда на крыше водонапорной башни грелись птицы. Ремонт рынка был окончен, а на углу Липовой и Старомейской воздвигли ржавый монумент, чтобы увековечить это событие. Дома получили новую раскраску – через один синюю и оранжевую, – а распахнутые рты арок по-прежнему скрывали кафе-мороженое, продуктовый, круглосуточный, магазин Амадео, полный подделок итальянской обуви, магазин религиозных товаров и киоск, в котором можно было купить все. Между ними по-прежнему располагались подъезды с привычно обшарпанными дверями, ведущими в полумрак, к деревянным лестничным клеткам. В окнах стояли горшки с цветами.

Выставка в ратуше была посвящена семисотой годовщине основания города. Люди посещали ее в поисках бесплатной прохлады. Приглядывались к копиям гравюр и обрывкам документов, доспехам, мушкету и ухоженным немцам на довоенных фотографиях. Дети кланчили брелочки с изображением замка, запаянным в пластик. Городской театр, вот уже долгие годы испытывающий финансовые трудности, объявил перерыв до конца года. Его второй этаж сдали фонду «Современная Провинция», который пока не набрал сотрудников, так что этаж был наглухо закрыт. Ходили слухи насчет того, кто же настоящий хозяин фонда и чего он ищет в Рыкусмыку. Младший инспектор Кроньчак обнаружил утром очередной плод в мусорке. Вокруг рынка парковалось вроде бы побольше новых автомобилей. Маршрутки все так же приезжали и отъезжали с торговой площади. Курсы распустили на каникулы. Вокруг кишела толпа.

Ломбарды исчезали незаметно, а от того, что открыл Габлочяж, не осталось даже следа. Сам Габлочяж проводил дни в своем логове, а каждую вторую ночь дежурил в сторожке близ огороженного замка. Не он один. Магазин «курительных смесей», уже больше года как закрытый, внезапно ожил. Сейчас в нем продавали еще и электронные сигареты, и зачастую в кафе и на улицах я теперь наткался на людей с черными палочками во рту, выпускающими пар.

У нас было два многоэтажных супермаркета – Теско и Лидл, – так что слухи о постройке третьего возбуждали местных не меньше, чем существование фонда, который ничего не спонсирует. Тем летом каждую неделю вспыхивали сплетни о том, где именно его построят, причем каждый раз это было новое место. Крупный спортивный комплекс, разместившийся на окраине Рыкусмыку, получил конкурента в виде небольшого спортзала, построенного на месте бывшего центра помощи в кризисных ситуациях, – где неоднократно бывала Текла. На первом этаже открыли комнаты для гостей и небольшой бар со спортивными напитками. Старый Герман все реже появлялся в городке. Тем летом я видел его лишь раз, среди ночи, – стоял посреди торговой площади и озирался, будто заблудился.

Пятидесятники исчезли, сатанистские надписи перестали появляться на стенах, и, если я правильно помню, на рынке прошел всего один концерт безымянного певца, поющего никому не известные хиты. Дети больше не вытаскивали гвоздей из Собора Мира, но сам собор стоял, ничуть не изменившись. В парке сделали кафе в отреставрированном деревянном павильоне. Пастор со своей семьей приходил туда в погожие дни. Дети ели мороженое, пастор с женой пили айс-кофе, другие гости пили другие напитки.

Появилось новое агентство недвижимости, а языковая школа объявила о скидке на летние курсы. За вторым парком, там, где текла Бжанка и был пруд с утками, появился небольшой современный жилой комплекс. Рос он что-то слишком быстро. Разноцветные дома вгрызались

в зелень. Один из них принадлежал матери Теклы. Раскрашивались и пятиэтажки семидесятых, и волна цветов медленно, но упорно закрывала собой серость. Летний ветер срывал пленку со строительных лесов и нес над городом.

Тем летом – когда заплясала нога моей жены – одна из маршруток перелетела через барьер и скатилась в Бжанку, прямо возле моста. Ни с кем ничего не случилось, и, когда подошла помощь, пассажиры уже сумели выбраться на берег или бродили по мелкой воде в поисках рюкзаков, сумочек и бумажников. Маршрутку вытащить не удалось. Ночью над рекой вспыхивали фонари – это дети искали сокровища. Над ними возвышался замок, давно уже темный и тихий, словно то, что жило в подземельях, устало от всех нас.

2

Нога моей жены заплясала в сумерках. Выстрелила из-под пледа и начала ритмично качаться, словно бы в такт музыке, которую я не мог услышать. Я спросил Теклу, что происходит, но она не смогла ответить. Тапочка полетела в воздух, и голая жилистая ступня затрепетала у меня в руках. Удивление на лице Теклы перешло в улыбку. Она испугалась. Я попросил ее встать с кресла. С моей помощью ей это удалось. Ступня, прижатая к полу, остановилась. Мы обнялись, соприкасаясь лбами. Я умел делать вид, что это помогает.

Я усадил ее обратно в кресло, между незаконченными или забытыми вещами: книгами, которые мы так и не дочитали, нераспечатанными фильмами, клубками пряжи, циновкой для йоги, гантельками, запыленным компьютером и телевизором, на котором мы никогда не переключали каналы. Еще там был покрытый пылью музыкальный центр от Владиславы и разбитая тарелка – тоже от нее. Боги всех религий, захлопнутые в книжках на дне сундука под окном. Я сказал Текле, что мы могли бы вместе навести тут порядок, Текла кивнула седящей головой, на которой пульсировали вены. Мы уставились на ступню. Тянулись минуты. В тишине, ибо мы вообще мало говорим.

Я сделал хлопок; стемнело. Текла шепнула, что, когда нога начала плясать, она почувствовала небольшое облегчение. По крайней мере, ей так кажется. Текла время от времени чувствует себя лучше, но кончается это всегда одинаково. У нее бледное лицо и ладони старушки, что всегда дрожат, когда им не за что взяться.

Той ночью мне надо было на работу, но мы легли вместе. Текла приняла душ за закрытой дверью. Я вытер ей лоб мокрым бинтом. Думал о ней и о себе. Через десять лет я буду слышать то же, что она. Где через десять лет будет Текла? Я лег рядом. Она дышала мне в губы. Я держал ладони на ее висках, пока она не уснула. Я взял термос и контейнер с супом. Заглянул в спальню.

Текла спала, а ее нога двигалась под одеялом.

3

Разрастание Рыкусмыку привело к упадку Габлочяжа, который еще в конце девяностых был королем темных дел городка. Открыл бедность как источник дохода, открывал ломбард за ломбардом, основал агентство краткосрочных займов и несколько магазинов дешевой одежды. Я видел, как он стоит в окне полуголым и созерцает свою карманную империю. Потом он надевал двубортный пиджак, цепь из белого золота и шествовал на обход. Я работал в его секонд-хенде, но он уволил меня. Сказал, что я нормальный, хоть и обе руки у меня левые, но посоветовал что-то сделать с собой, иначе я стану рабом, как и все здесь. И будет стыдно.

До нас наконец дотянулись банки и реестр долгов, с кредитами стало труднее, зато сильно понизился их процент. Телевизоры, компьютеры, утюги и домашние кинотеатры внезапно сильно подешевели, и никто больше не носил их в переполненные ломбарды. Со мной мало кто

разговаривает, я чужак в собственном городе, но я слышал, что тот же самый банк крутил дела с ростовщицеством, а под конец распродал с торгов все, что можно было распродать, и Габлочяж остался гол как сокол. Тогда он выпросил себе должность сторожа и следил, чтоб никто не заметил его бедности. Он все так же носил двубортный пиджак и цепь из белого золота. Не пил спиртного, питался здоровой пищей. Начал проводить время в библиотеке и брал книги на дом. Я встречал его в сторожке, среди толстенных довоенных томов, выписывающим слова в блокнот. Собирал материалы к истории Рыкусмыку, которую никто еще не написал.

Как-то он сказал мне, что сторож – это никто, а вот историк уже кто-то. Я должен помнить об этом, сказал он. Я спросил, для кого он пишет эту книжку, а он ответил, что для немцев. Немцы любят историю, а когда-нибудь вернутся за своим, можно не сомневаться. Так он сказал и пошел. Насколько я знаю, он окончил ПТУ для электриков в Валбжихе.

4

Я любил летние ночи в Рыкусмыку. Стоял, опершись спиной на сторожку, так, чтобы не смотреть на замок. Между будками на торговой площади мелькали тени подростков, звенело стекло и вспыхивал запрещенный огонек. Бывало, что мне удавалось выловить его из темной массы, и тогда человек или предмет обретали четкий контур.

До меня доносились отзвуки коротких драк. Пробегали коты. Видел я и лис с кунницами. Машины проносились по шоссе над рекой. Пьяницы от Дызя пытались мочиться под забором, и мне приходилось их прогонять. Спрашивал их, чего бы им перед выходом не опорожниться. Люди меня боятся. Птицы спали на пологих крышах домов. Ниже орал телевизор, муж бил жену, молодые любили на чердаке. Иногда звуки доносились по отдельности, и я мог отличить стон от крика.

Я любил эти минуты, становящиеся часами, и казалось, что мне снова двадцать лет. Иногда я забывал о Текле.

В сторожке я плюхнулся на вращающийся стул, а потом на кушетку, которой здесь не должно было быть, но всегда была. Я делал вид, что сплю, закрыв глаза рукой. В маленьком телевизоре шел снег. Я листнул какую-то газету, прочитал имя и фамилию. Просмотрел книжки Габлочяжа и его блокнот, заполненный детским почерком. Открыл консервную банку и почти почувствовал запах фасоли. Обычно-то я не чувствую запахов. Разогрел суп, прокатил язык по небу, вылавливая перец. Соревновался с часовой стрелкой. Без малого в три загудела автомобильная сигнализация, возвещающая спокойствие. Рыкусмыку впал в мрак и тишину. Я был единственным сторожем, который не спал.

Скрежет усиливался из года в год. Вчерашние страдания сегодня казались приятным воспоминанием. Я никогда не верил, что может стать еще хуже, – и всегда ошибался. Сторожка приносила облегчение. В замок за ней войти я не отваживался. Предлагал Текле проводить ночи со мной, я на кресле, она на кушетке. Она ответила, что никогда так не поступит со мной, хотя и боится, что однажды я не вернусь. «Замок заберет тебя», – говорила она. Всегда, когда бы она ни выходила из дома, делала крюк, лишь бы подальше от этого здания. «Ты, как завязавший пьяница, проводящий вечера над полной рюмкой», – сказала она однажды. И еще: «Напоминаешь курильщика с незажженной сигаретой во рту». Ты права, белая женщина, подумал я, но нет названия моей болезни и не помогут врачи.

Из утреннего тумана показался Габлочяж с сумкой через плечо. Я передал ему ключи. Вот так мы с ним и работали. Он спросил, слышал ли я новости, и сообщил, что не кто иной, как Вильчур, вернулся в Рыкусмыку. Выразил уверенность, что вернутся все. Ждал чего-то. Я просто пошел домой. Спокойный голос Габлочяжа слился с шумом утреннего автобуса. Габлочяж сказал мне вслед:

– Надо тебе сказать, что фонд в театре принадлежит именно Вильчуру. Как ты думаешь, чего он тут ищет?

5

Зловредная Владислава напоминала Пястовскую башню: торчала в Рыкусмыку независимо от перемен. Наши отношения дрейфовали от ненависти до неумело изображаемой неприязни. Когда она узнала, что я собираюсь жениться на Текле, подсылала Кроньчака, чтобы решил со мной вопрос. В конце концов – как я слышал – Кроньчак велел ей радоваться, что кто-то вообще берет ее чокнутую дочурку, и на этом все и закончилось.

Она состояла в городской раде, а когда Рыкусмыку отказал ей в своих голосах, принялась мстить, действуя через разные сообщества. Проталкивала инвестиции, которые ее устраивали, не стояла за ценой. Отброшенная, просто расширяла поле деятельности. Переехала в новый дом и купила сад, в котором всегда было чем заняться, а местные могли заработать сотню злотых за работу от рассвета до заката. Рассказывала мне, где лучшая говядина, а у кого отличная картошка и где стоит покупать фрукты. Когда она состарилась, я сопровождал ее, тягая авоськи. Уговаривала нас сделать ремонт, и, наверное, именно поэтому мы так его и не сделали. А может, и по какой-то другой причине.

Старые люди не имеют иного будущего, кроме чужого. Владислава обожала рассказывать, как она всю жизнь тяжело работала. Вставала в пять утра и весь день на ногах. Не знаю, как это возможно. Гордилась тем, что обеспечила себе достойную старость.

Некоторые любят ожидать часами в государственных приемных, но она не любит. Спрашивала, что с нами будет, если мы не возьмемся за ум. Говорила, что мне надо озаботиться пенсией жены и своей, открывала бумажник и давала стозлотовку. Я никогда не потратил ни одной. В ящике стола у меня пачка сотенных толщиной с Библию.

6

Владислава считала, что мы не умеем есть, и каждое воскресенье приглашала нас на обед в ресторан «Ратуша». Люди смотрели на меня и на Теклу, словно я вел собственную мать.

На этот раз мы опоздали на десять минут, что Владиславе не понравилось. Я сказал, что сегодня все же воскресенье, и четверть часа туда или сюда не играет роли. Она согласилась со мной и спросила, отчего же в таком случае мы никогда не приходим на четверть часа раньше? Я повесил куртку на спинку стула. При виде этого ноздри Владиславы задвигались.

– Свежий ли этот лосось? – допытывалась она у официанта. – Дорогой, я знаю, что рыба приходит к вам в четверг, и поэтому мне надо знать. Очевидно, вы не подали бы испорченную рыбу, да, это ясно, но я понимаю вас, а вы понимаете меня. Ну, раз так, то я попрошу что-нибудь другое, самое лучшее. Бутылку вина. И два бокала. Шимек, хочешь выпить? А не идешь на работу? Хотя какая там работа эта твоя работа. Переживаю, столько сторожей уже спилось. От чистого сердца. Видела, знаю. Был у меня один такой, который...

Я не пью. Алкоголь приносил облегчение, но похмелье усиливало скрежет.

В «Ратуше» собирались люди. У пятилетнего блондинчика, видимо, был день рождения. Он собирал подарки и кидался бумажками. Появился мужчина в старой кожаной куртке и с дорожной сумкой. Видимо, отец. Нечасто случается. Мальчик обнимал его, как куст можжевельника. Очередные гости клали локти на алые скатерти, будто чего-то ждали. Столик в центре был пустым, зарезервированным для кого-то.

Мы начали есть. Я выпил бокал вина, просто назло. Владислава вернулась к теме ремонта и хотела знать, отчего мы так упираемся. В восьмидесятых без проблем обеспечила бы мне

работу в офисе, но сейчас времена не те. На ее шее качалась красноватая цепочка. Я выпалил, что у Теклы скромная пенсия, так что я зарабатываю на двоих.

– Пенсия это пенсия. – Владислава резала мясо на мелкие кусочки. – Ты зарабатываешь на двоих, но не как двое, а я не для того растила дочку, чтоб она работала. Ну, не злись так. Ты же знаешь, что я переживаю, правда? Не могу иначе. Иногда не сдерживаюсь.

Я понял, к чему идет, но было поздно. Текла повторяла движения матери. Беззвучно шевелила губами и поднимала вилку именно тогда и так, как она. Точно такая же прямая, со свободной ладонью, лежащей на краю стола. Это длилось несколько минут. Владислава сказала, что нам надо чаще ездить в отпуск, что мир велик и прекрасен и что она восхищается всеми хваткими людьми из больших городов, такими как Сташек или Кароль. Что там, кстати, у них?

Она вложила вилку в рот, а Текла резко опустила свою. Владислава выпучила глаза, побагровела, не могла глотнуть воздуха. За ней вырос официант. Она била себя в грудь. В конце концов выплюнула кусочек и мгновенно прикрыла ладонью. Подняла взгляд, но не смела взглянуть в глаза дочери.

7

Молодой бандит Вильчур задержался в Рыкусмыку еще на несколько месяцев после тех памятных каникул. И исчез. Еще вчера работал у Дызя, сегодня его уже не было. Одни видели, как он поспешно загружает машину и уезжает на полной скорости, другие клялись, что спокойно сел в автобус. Старый Герман будто бы видел в лесу его могилу.

Будто бы Вильчур выехал в Германию и пробовал заниматься там тем же, чем и в Рыкусмыку. Будто бы его быстро поставили на место. С бандой себе подобных собирал дань с уличных торговцев крэком, подстрелил полицейского и пошел сидеть на долгие годы. Кто-то выбил ему глаз отверткой.

Говорили, что из Рыкусмыку он поехал прямо в аэропорт Вроцлава и улетел в Таиланд. Там скрывался, развлекал богатых туристок из Европы, до тех пор пока одна из них, пожилая, не взяла его с собой в Бельгию. Вильчур теперь управляет транспортной фирмой, и у него несколько катеров, что курсируют по Балтийскому морю. Он раздобыл, но сайт со снимком не оставляет сомнений – это он же, только толще. Принял фамилию жены.

Еще я слышал, что Вильчур зацепился в Лондоне, как и миллионы других. Сперва работал в охранном агентстве. Понемногу рос и теперь держит на поводке три десятка дуболомов, охраняющих массовые мероприятия. Женился на чешке, они вместе поехали в Южную Америку и сняли на фотоаппарат несколько фильмов, которые можно посмотреть в сети. Обезьяны, крокодилы. У Вильчура родились трое детей. Один ребенок болеет.

Когда среднее поколение открыло ютуб, о Вильчуре стали кружить новые легенды. Его видели на роликах с улиц Нью-Йорка 11 сентября, всего в пыли. Его снесло волной от падающей башни. Он бежал с карабином, когда в Ливии свергали Каддафи. Танцевал вместе с сотней мужчин, когда Шакира давала концерт на пленэре. Промелькнул в репортаже о бездомных в Торонто, сидел на московском процессе олигарха в очках и зиговал под греческим солнцем. Еще на одном ролике мускулистый Вильчур крутил двух негритянок между бассейном и белой калифорнийской виллой и шурил глаза при каждой фрикции.

8

Вильчур занял зарезервированный столик и что-то заказал. В темно-синем пиджаке, с кашне на шее и туфлями из светлой кожи, он напоминал райскую птицу среди мокрых голу-

бей. Взгляды всех устремились к нему, даже Владислава выкрутила шею. Вильчур смотрел куда-то над всеми нами. Воцарилась тишина.

Ему принесли вино. Один из мужчин подошел к нему, поклонился и, получив согласие, присел на краешек кресла. Что-то говорил минуту, а Вильчур слушал. Сказал пару слов, принял листок с какой-то записью и отослал мужчину жестом ладони. Тут же подошел следующий. Ситуация повторилась, с той лишь разницей, что Вильчур вздохнул и толкнул в его сторону банкноту. Женщина даже не присела, шептала ему что-то в ухо, а он положил ей ладонь на плечо и отвечал.

Официантка принесла еду. Он накручивал макаронину на вилку, ложкой обрезал краешек и слушал дальше, глядя прямо на собеседника. Молчал, пока не закончил есть. Тогда что-то записал в блокнот. У него зазвонил телефон. Вильчур глянул в экран и отклонил звонок. Заказал эспрессо. Мы закончили есть. Владислава предрекла, что возвращение Вильчура не сулит ничего хорошего.

Я подошел к нему с протянутой рукой. Он разговаривал с какой-то пожилой неухоженной женщиной, которой раньше я не видел в «Ратуше». Он поднял взгляд, но руки не подал. Сказал, что у него тут свои дела и если я хочу поговорить, то должен ждать своей очереди, так что я опустил руку.

– Это не концерт по заявкам. Должны быть какие-то принципы. Кем бы мы были без них? – громко рассуждал бывший бандит Вильчур.

Текла оттащила меня от него, а в «Ратушу» ввалился Кроньчак. Заметил Вильчура, неслышно выругался, поклонился Владиславе и хлопнул дверью.

9

Лучше всего я помню Теклу по первому периоду нашего брака, когда она покрасила волосы, начала пользоваться косметикой и купила немного фирменных вещей за те деньги, что мы собрали на свадьбе. Нам казалось, что вместе мы преодолеем это, перестанем слышать. Минус и минус дадут плюс. Мы просто терлись друг о друга, ничего больше. Наступило ухудшение, и Текла согнулась, как дерево в ураган.

Я сжимал зубы и хотел еще немного пожить. Текла выбрала иначе и потянула меня за собой. Мы были и у психиатра, и у экзорциста, но ни дьявол, ни болезнь нас не мучили. Никто нам не верил. За деньги Владки мы ездили по санаториям. Текла пробовала марихуану и психотропы. Читала мантры. Пятидесятники возлагали ей руки на голову, а она говорила языками. Я снял ее со шнура лампы. Перевязал неглубокие раны на запястьях.

Она перестала таскаться по Рыкусмыку, но не смогла найти работу или задержаться на найденной. Владка вымолила для нее пенсию. Еще несколько лет назад Текла пробовала писать стихи и разгадывала sudoku в толстых журналах. Иногда что-то записывала на полях. На рассвете, вырванная из сна, проклинала своего неизвестного отца, который ушел, но оставил ей скрежет. Я отвечал, что у меня тоже нет отца, но это не приносило утешения.

Из года в год ей становилось все хуже, так же как и мне. Текла была старше и страдала сильнее. Я видел в ней свое собственное будущее – когда-нибудь и я так же просто сяду и буду трястись. Едва смогу дойти до «Ратуши». Глядя на нее, я хотя и понимал, что меня ждет, но в то же время забывал о собственных мучениях. Текла однажды сказала, что мы, видимо, кого-то обидели в прошлой жизни. Я ответил, что у нас не было прошлой жизни. Она задумалась над этим и сказала, что очень жаль, ибо было бы хорошо, если б можно было встретиться еще раз, заново, без боли.

Да, шепнула она, ради этого стоило бы жить.

10

Текла раздевалась передо мной. Я лежал в постели, а она крутилась по спальне, подгибая правую ступню. Расстегнула блузку, показав белые костлявые плечи. Лифчик освободил треугольные груди с сухими сосками. Стянула штаны. Над растянутыми трусами взмошел полумесяц лобковых волос. Блестели лунные колени. Обнаженная Текла очень медленно усе-
лась в кресло и начала натирать свое тело кремом, словно пытаясь содрать с себя кожу. Правая ступня колебалась в такт несуществующей мелодии. Несколькими дергаными движениями Текла встала и надела ночную рубашку. Она не могла шагнуть из-за своей ступни и до кровати добралась, держась за стену. Ее худое тело напоминало камень. Укладывалась долго, кусала губы.

– Я бы хотела когда-нибудь водить машину, – шепнула она. – Как ты думаешь, моя нога справится? Похоже, она просто рвется к такому. Удивительно забавно, правда?

Какое-то время мы лежали рядом. Голова коснулась головы. Я сказал пару слов. Текла согласилась, кусая губы. Обычные глупости о том, что надо держаться. Я помог ей повернуться на бок, вытер виски мокрой марлей. Мы не обнялись, потому что мы не обнимаемся. Скрежет положил меч между нами.

11

Сперва мне показалось, что это старый Герман крутится у замка. Я вышел из будки, чтобы прогнать его, и обнаружил задирающего голову Вильчура. Вместо костюма на нем были джинсы и олимпийка. Я сказал, что это частная территория. Вильчур подскочил ко мне с протянутой рукой. Я не вынул руки из карманов.

– Извиняюсь за тот случай, – сказал он. – В первую минуту я тебя не узнал, а потом не знал, как должен поступить. Глупо так возвращаться в Рыкусмыку. Ну ладно, это чистая правда. Я виноват, и мне нечего сказать в свое оправдание. Можно?

Он уселся в сторожке на край постели. Вынул бутылку «Ред Лейбла» и спросил, есть ли стаканы. Получил один. Спросил, пью ли я на работе.

– На здоровье, – сказал я. У меня было впечатление, что Вильчур хочет побыстрее закончить этот разговор.

– Я думал, ты уехал.

– А вот сюрприз.

– Все думали, куда же именно ты уедешь. Кто бы мог подумать, что ты кончишь в сторожке. Я же говорил, что не узнал тебя.

– Итого две неожиданности в одной. Ночь только началась, так что будь осторожен.

– Слушай, я же пришел помочь.

– Благотворительный фонд за углом. Легко найдешь.

– Осенью мы начинаем пару проектов для Рыкусмыку. Ты бы пригодился мне, да. И тебе не пришлось бы здесь сидеть.

– Ну, придется сидеть где-то еще. Какая разница, сторожем там или тут?

– Я думал о чем-то более ответственном. Ты ведь умный парень, и, строго говоря, это не помощь, а просьба. Ты бы мне пригодился.

– Мне больше нравилось, когда ты был барменом у Дызя.

– Мне тоже. Сам ведь знаешь.

Разговор не клеился. Вильчур пробовал расспрашивать о том о сем, и его явно интересовало, почему я связался с Теклой. Расспрашивал про ребят. Я ответил, что мне уже нет до них дела.

Он поставил бутылку на стол, сказал, что если я передумаю, то всегда могу найти его в «Ратуше», и вышел. В окно я видел, как он пытается прикурить, заслоняясь от ветра. Смешно поднимал ладони. Так и не смог; ушел, а ветер рвал на нем олимпийку.

12

Текла не спала всю ночь. Я увидел это по глазам. Расцеловала меня при встрече в обе щеки и закружилась по квартире, одетая в шорты и блузку на бретельках. Прыскала на мебель и старательно вытирала ее тряпочкой. Я начал рассказывать про встречу с Вильчуром, а она открыла шкаф, достала другую блузку, рассмотрела ее на свет и выбросила в черный мешок. Свитерок же вернулся на вешалку. И так далее. Я рассказывал.

– Не бери ничего в голову. – Текла шурилась, рассматривая жакет. – Ты можешь принять эту работу, можешь не принять. Главное, чтобы тебя устраивало. Эй, что так смотришь, все будет в порядке.

– Владка взбесится, когда узнает.

– А чего это тебя вдруг стала волновать Владка?

Очередь дошла до моей одежды. Спрашивала, в чем я буду ходить еще, а в чем нет. С полок пропала большая часть вещей, сундук стоял открытым, пустым и протертым до блеска. Свежевымытая посуда стояла на сушилке. В углу комнаты громоздились черные мусорные мешки. Я спросил, что тут вообще происходит и все ли у Теклы в порядке. Правая нога толкала ее вперед.

– Мы слишком долго жили в бардаке. Это было ужасно угнетающе.

– Ну да, сейчас сразу повеселеет.

– Фу, не будь таким. Слушай, я должна тебе кое-что сказать. Мне легче, понимаешь? Оно стихает. Ну, то есть не стихает, но становится другим. Не таким плохим.

– Не понимаю.

– Чего тут непонятного? Недавно еще я думала, что умру. А сейчас? Я даже не знаю, как это назвать, потому что оно все так же визжит и воет, потому что... потому что... Но, с другой стороны, оно уже не становится громче, а напротив, тише, остается место для песенки. Будто кто-то мне свищет в оба уха. Фью! Я не могу спать, но я и не устала. Я вообще совсем не устала, любимый.

Здорового пугает больной, а больного здоровый. Я задумался, что же ей ответить, но Текла явно и не ждала ответа, занятая переворачиванием ящиков вверх дном. Я почувствовал жарь. Кухню заполнил темно-сизый дым. Я ахнул, Текла выкрикнула «О боже!» и, смеясь, треснула ладонью себе по лбу. Мы вместе присели у духовки. Если бы не я, Текла голыми руками схватилась бы за почерневшую жаропрочную посуду.

– Ой, вот я напортачила. Забыла про цыпленка! Не спасти уже, да? Дурочка я, дурочка. Прости.

– Текла...

– Текла-кукла...

Она вскочила с пола. Я вытаращил глаза. Текла взяла меня за руку:

– Я знаю, что ты переживаешь. Я сама слегка в шоке от себя. Помнишь, сколько раз мы говорили, что мы сделаем, если оно смолкнет? Я не верила, а вот пожалуйста. Я боюсь, Шимек, но что мне делать? Если оно вернется, если мне лишь кажется, что оно ушло, то я хотела бы насладиться этим днем. Не отбирай его у меня. В самом плохом случае мне останется что вспомнить. Эй, не хмурься, прошу. Ты же мне завидуешь, правда? Боишься, что останешься один? Эй, дурачок мой, что ты.

Она залила цыпленка холодной водой. Я начал открывать окна, а она стала расставлять книжки от самой маленькой до самой большой.

13

Кроньчак давно перестал внушать ужас и теперь напоминал пещерного человека, замороженного в глыбе льда. Несколько лет назад он ушел в отставку с должности коменданта, но не оставил работу в полиции. Обязанностей у него было немного, и время он проводил, раскладывая пасьянс на служебном компьютере. Перешел на электронные сигареты и таскал с собой множество салфеток, которыми вытирал губы, когда на них попадала никотиновая жидкость.

У него была фигура тридцатилетнего и лысый череп, который, по его собственному мнению, делал его похожим на Брюса Уиллиса. Он носил светлые костюмы, водил серебряный «Мерседес» и каждому, кто был готов слушать, повторял, что без звезды нет езды. Начал интересоваться музыкой, охотно обсуждал видеоклипы Леди Гаги и имел собственное мнение насчет Криса Брауна⁹. Сайт полицейского участка, который он завел, давно не обновлялся.

Его все так же видели в обществе женщин. После длительных, аж полугодовых отношений со студенткой культурологии Кроньчак вернулся к старому образу жизни, разве что его девушки теперь были все младше и задерживались все меньше. Он сообразил, что уже мало кто завидует ему, и перестал выгуливать любовниц по солнечному Рыкусмыку. Ездил с ними в соляную пещеру или играл в боулинг, забирал на горные лыжи, а раз в год оплачивал одной из них неделю на Адриатике.

Встречали его и у Дызя. Заказывал стопку ледяной «Финляндии», тут же выпивал и хвалил водку, называя превосходной. Садился, открывал папку и с огромным вниманием изучал лишенные смысла документы. Потом заказывал стопку за стопкой, довольно урчал и просил, чтоб ему поставили пол-литра в ведерке со льдом.

Никто к нему не подходил. Он пил, отрывал взгляд от документов и смотрел перед собой. Повторял: превосходная водка, превосходная водка.

14

С самого утра позвонила Владислава и проинформировала, что Кроньчак отправляется к нам с визитом и наверняка уже в пути. Спрашивала, прибрано ли у нас, и просила принять его как полагается.

Кроньчак поклонился, переступая порог. Текла предложила ему чай. Он отказался с удивлением в голосе. Присел на кресло и собирался с мыслями. В конце концов я спросил, что его тяготит. Текла мыла пол на кухне.

– Неплохо живете. Я слышал, у тебя был гость, – сказал Кроньчак.

Я не ответил, а Кроньчак поинтересовался, не считаю ли я это несколько странным.

– Вильчур ходит по людям и чего-то хочет.

– Он вернулся и пытается зацепиться. Думает, что у него все еще есть дружки.

– А ты его дружок?

– Ай, о чем вы. Он же уехал.

– И все же я помню, что вы были близки. Дружба важная вещь, я бы так решительно ее не зачеркивал.

– Видите ли, у меня своя жизнь, у него – своя. Я совершенно не против, чтоб так дальше и было.

– Ну да, ну да. Но чего тебе стоит поговорить с ним еще разок? Он, похоже, дружелюбно к тебе относится.

⁹ Кристофер Морис «Крис» Браун (*англ.* Christopher Maurice «Chris» Brown; 5 мая 1989 года, Таппаханнок, Виргиния) – американский певец и актер.

– Поговорю, как будет о чем.

– Но ведь есть же. Ты ж не хочешь быть сторожем до конца жизни? Просто выслушай, что он хочет тебе предложить. Ты мог бы работать днем, а не ночью, и еще оказал бы нам всем услугу.

В такие минуты я мечтал состариться и умереть сторожем. Не знал, что ответить, а Кроньчак продолжал, прищурившись:

– Ты честный парень, и я уверен, что уж ты не сможешь равнодушно пройти мимо некоторых дел. Если кто-то упадет, сможешь ему встать. Если увидишь преступника, позвонишь мне. Ну и все такое, в ту же тему.

– Вильчур прекрасно справится без меня.

– Именно! Но справится ли Рыкусмыку с Вильчуром без тебя? Не закрывай глаз, мальчик, а если деньги лежат на дороге, то лишь глупец за ними не нагнется.

Так он сказал, встал и пожал мне руку. Текла танцующей походкой подошла к нему, чтобы попрощаться. Кроньчак покачнулся и чуть побледнел, словно увидел духа.

15

За несколько следующих дней Текла вычистила пол так, что он стал казаться никогда не использованным. Исчезли мешки с мусором, на полках воцарился порядок, выглаженная одежда попала на душистые полки и новые вешалки. Текла сняла часть снимков и картин со стен, вырвала гвозди, а дырки от них зашпаклевала. Говорила, что нам пригодится новый торшер и еще, может быть, шкафчик для обуви, который мы так и не собрались купить. Исчезли недосмотренные фильмы и настольные игры, боги всех религий вместе с описывающими их книгами дружно отправились под Пястовскую башню, сложенные рядком так, чтобы старый Герман обратил на них внимание. Текла попробовала даже мыть лестничную клетку. Я сказал, что это дело консьержа, и загнал ее внутрь. Я сам и есть консьерж, подумал я потом.

Тогда я не задумывался, как она себя чувствует. Меня переполняли собственные мучения, и я никогда не верил, что может стать хуже. Но всегда становилось. А для Теклы мое завтра означало сегодня. Что она ощущала? Стальные когти, раздирающие череп изнутри. Не один скрежет, а несколько перекрикивали друг друга, вели скрежещущие разговоры и ссоры. Скрежет не смолкает и не спит. Больно даже поднимать веки, а в губах тлеет уголь. Наконец, скрежет становится чем-то новым, чего я не успел еще узнать. Говорят, пытаемые смеются на закате. Так было и с Теклой. Разве что она не смеялась, а танцевала.

На обед были картофельные клецки с мясным соусом, «копытки». Я ел медленно, Текла еле притронулась к своим. Сказала, что напробовалась, пока готовила. Спросила, какие у нас планы на субботу, я лишь пожал плечами. Она мечтала о танцах. Я напомнил ей, что танцев давно уже нету, есть субботняя дискотека в боулинге, где шумно, душно, а молодежь прекрасна, не то что мы. Текла ответила, что чувствует себя красавицей, и мне пришлось с этим согласиться. Я попросил ее, чтоб съела еще немного и чтоб я это видел.

Она ковырялась в тарелке. Потом закрылась в ванной.

Вечера мы проводили перед телевизором. Текла переключала каналы и интересовалась каждой ерундой. Люди в одном белье толпились перед разноцветным жури. Рука Теклы билась о колени и подлокотник кресла, ноги размеренно стучали.

В середине ночи я просыпался несколько раз. Текла с открытыми глазами лежала на спине. Она мяла постель и шевелила губами, а когда поняла, что я наблюдаю за ней, улыбнулась в знак извинения. Гладила мой лоб и шею. Я был зол на нее за то, что она перестала страдать.

– Я хотела бы дать тебе то, что у меня есть, – сказала она.

16

Старый Герман все так же проживал в хатке у леса за пределами Рыкусмыку. Он не завел себе нового пса, но сохранил ружье, из которого палил по кабанам, что подкапывали его забор. Иногда я слышал далекие отзвуки выстрелов. Люди боялись, что он кого-нибудь убьет, но я был спокоен. Герман не причинил бы никому вреда. Я был в этом уверен.

Он приходил в городок несколько раз в неделю, толкая перед собой свою тележку. Скрип колес слышался еще задолго до рассвета. У Германа было не меньше полусотни благожелательных к нему порогов, он обходил их все, потом отправлялся на проверку свалок. Бутылки и металл относил в пункт приемки, а когда тот закрылся, начал складывать у гаража неработающего вокзала. Говорил, что однажды все заберет. Потом раскладывал под арками свой магазинчик и продавал то, что нашел: утюги, подсвечники, книги и игрушки. Люди покупали их и снова выкладывали на порогах своих домов. Молодые полицейские гоняли Германа, пока Кроньчак не объяснил им, что так делать нельзя.

Перед закатом Герман возвращался к себе или покупал в «Жабке» мерзавчик водки и пару-тройку «Карпатского крепкого» и начинал пить. Отгонял всех, кто хотел составить ему компанию. Садился на край вазона у рынка и бормотал, что мы все умрем за то, что сделали. Рыкусмыку поглотит большой огонь, и лишь он один мудрый, ибо живет за городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.